КАНАТЧИКОВ.

РАБОЧАЯ ПАРТИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ"
Ленинград 1924

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

С. КАНАТЧИКОВ

РАБОЧАЯ ПАРТИЯ И КРЕСТЬЯНСТВО

(С 14-ю рисунками в тексте).

РАБОЧЕЕ ИЗД-ВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД 1924 г.

Ленинградский гублит. № 5601 Тираж 20.000

Государств. тип. имени тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистич., 14.

Как жили крестьяне при помещиках.

Борьба за землю и волю крестьян с крепостниками-помещиками ведется с незапамятных времен, но эта героическая борьба во все времена истории России неизбежно заканчивалась поражением крестьян.

Бунт Стеньки Разина, восстание крестьян в Поволжье, в царствование Екатерины II, под предводительством Емельяна Пугачева и др.—все это были лишь отдельные моменты героической стихийной борьбы стонавшей под непосильным гнетом крепостников-помещиков и их верного слуги, царского правительства, многомиллионной массы русского крестьянства.

Положение крестьян в те времена было поистине ужасное: крепостники-помещики их могли менять целыми семьями на борзых собак; крестьянок заставляли выкармливать грудью щенят; подвергали без всякого суда и следствия самым ужасным телесным наказаниям и т. д.

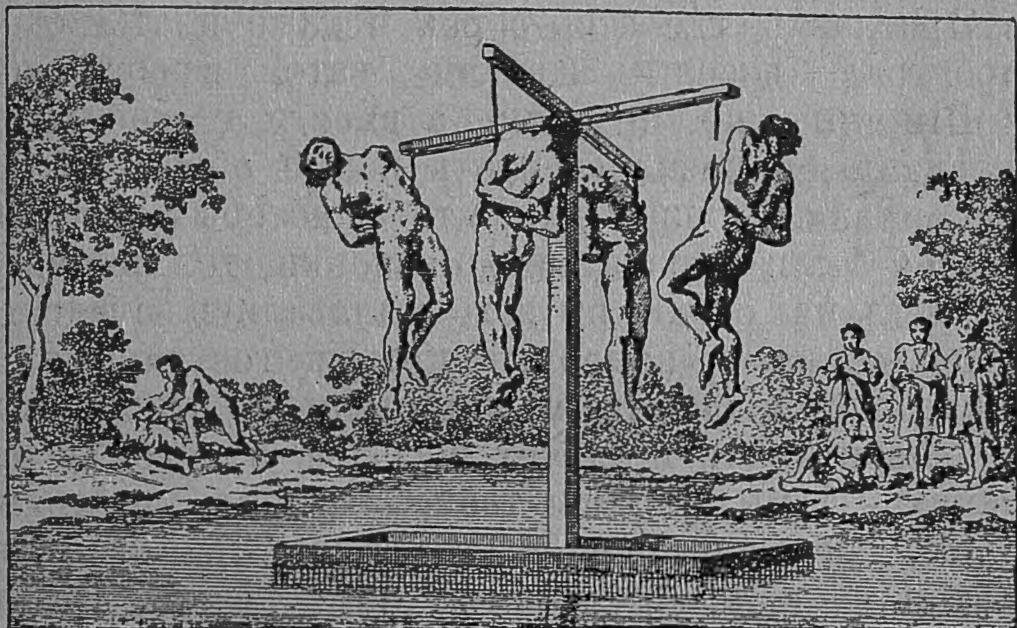
Бунт Стеньки Разина.

Положение крестьянства значительно ухудшилось при первых Романовых. Помимо полного закрепощения, на плечи крестьянина свалились новые подати, собираемые теперь с каждого двора,

тогда как раньше крестьянство платило со вспаханной земли. Сидевшие по провинциальным городам воеводы, не получая «государева жалованья», кормились с населения, доставлявшего им все необходимое. Воеводам открывалось широкое поле для злоупотреблений; судили они пристрастно, оправдывая за взятки; подати собирали с расчетом, чтобы побольше положить в собственный карман. Терпение народа истощалось. В городах нередко вспыхивали бунты (в Москве, Новгороде, Пскове 1648—1650 г.г.), направленные против царских воевод, притеснявших народ взятками и вымогательством. Достаточно было толчка, чтобы поднять крестьянство; такой толчок дали донские казаки, поднявшие восстание на всем Поволжье, во главе с атаманом Степаном Разиным (1670—1671).

Уже в начале восстания Степан Разин располагал 7-тысячной армией, взявшей Царицын. Отсюда рассылаются по всему Поволжью «воровские» грамоты, с призывом бить бояр, дворян, воевод и помещиков и устраиваться по вольному, по-казацки. Эти грамоты-воззвания имели громадный успех: отовсюду к Разину стекались крестьянские толпы, всюду его принимали, как освободителя. Разин разбил царское войско, взял Астрахань, Саратов, Самару. Движение росло. Всюду горели помещичьи усадьбы; воеводы и прочие «слуги царские» избивались. Однако, восстание народных низов по самому характеру своему было обречено на неудачу: народ бунтовал не против правительства, не против царя, полагая, что все беды—от разорителей бояр, воевод и помещиков, а что сам «царь-батюшка», знай он правду о кре-

стьянских нуждах, вступился бы за народ. Кроме того, само крестьянство, вследствие своей разрозненности, темноты и непривычности к совместным организованным действиям, не могло победить организованные и хорошо дисциплинированные правительственные войска.

Казнь волжских разбойников.

Вот, например, как описывает один историк восстание крестьян в Поволжье под предводительством Стеньки Разина:

«Да и положение русского крестьянского населения в Поволжье было очень тяжелое. Находясь под тем же воеводско-приказным режимом, русский крестьянин, сидевший на помещичьей земле, был сверх того, угнетен еще насилиями и вымогательствами со стороны своего непосредственного господина. В памятниках опять-таки имеются весьма определенные указания в этом

смысле. Так, в одной крестьянской челобитной на имя государя встречаем жалобу на то, что помещик, князь Артемий Шейдяков, «крестьянишек, что приходили к нему по обычаю с хлебом на поклон, бил, мучил и на ледник сажал». Собрал этот помещик с крестьян весь годовой оброк «против государева указу» и уехал из села Ширинги в Ярославль, где весь оброк и даже платье свое проиграл «веселым женкам»; затем возвратился в Ширингу, но не один, а вместе с «веселыми женками», и начал собирать новый оброк, и так его «правил» с крестьян, что «у которых крестьянишек были нарочитые лошаденки, тех лошадей он взял на себя»; на него жаловались за все эти «насильства» и «немерный правеж» государю, а он «похваляется смертным убийством» по отношению к челобитчикам и «хочет посекать их своими руками». «И мы, сироты твои,—говорят крестьяне царю,—не перетерпя его немерного правежа и великой муки, разбрелись от него розно». Таково было положение русских крестьян в Поволжье в 20-х годах XVII столетия. Около половины этого века оно ухудшилось, ибо есть свидетельства, что повинности, налагавшиеся в Поволжье помещиками на крестьян, к средине столетия увеличились в несколько раз».

Фигуру самого Разина и его руководящую роль в восстании крестьян этот историк описывает так:

«Это был человек необыкновенно крепкого, богатырского сложения и великой душевной мощи, широкий в плечах и желаниях. Самой осанкой и соколиным взглядом своим, умеющим быть и грозным и милостивым, он, вероятно, произво-

дил обаятельное впечатление на толпу. Ей сразу было видно, что если этот человек много обещает, то он и даст не мало, и что он не остановится ни перед чем, чтобы достигнуть задуманного. Твердость и неумолимость в соединении с самой беззаветной удалью, повидимому были главнейшими свойствами в широкой и необузданной натуре Разина: они-то и подчиняли ему толпу, делали «Степанушку» вождем ее».

Милостиво отнесся Разин ко всем меньшим людям, стрельцам, судовым рабочим и ссыльным. «Вам всем воля,—сказал он им,—идите себе куда хотите, силою не стану принуждать быть у себя; а кто хочет итти со мною—будет вольный казак. Я пришел бить только бояр да богатых господ, а с бедными да простыми готов, как брат, всем поделиться».

Словом, Степан Тимофеевич уже в этот момент своего выступления на Волге смотрел на себя, как на защитника всех обездоленных, беглых, и как на карающую десницу по отношению к властным притеснителям народа.

Восстание крестьян под предводительством Емельяна Пугачева.

«Но в XVIII веке явились еще более отягчающие условия жизни низов населения, как городского, «посадского», так в особенности крестьянского. Дальнейшее и значительное развитие денежного хозяйства сильно ухудшило положение трудящихся в России. Крепостное крестьянство остро почувствовало на своей спине власть денег, ибо помещики, нуждавшиеся в них для

своей роскошной и дорогой жизни, налегали на своих крепостных всею силою своей господской власти и выжимали из своих подданных деньги в оброке, на который они перевели большинство крестьян в нечерноземных губерниях».

«Власть помещиков в XVIII столетии чрезвычайно усилилась, а при Екатерине II дошла до своей высшей точки. Императрица Елизавета запретила крепостным жаловаться на своих господ под страхом ссылки в Сибирь на поселение; при Екатерине II это запрещение было подтверждено с сугубым устрашением ссылкой в каторжные работы.»

Во время путешествия Екатерины II в Поволжье ей было подано более 600 челобитных, в которых помещичьи крестьяне жаловались на тяжкие поборы с них помещиков, но все эти челобитные были возвращены просителям, причем подтверждалось запрещение подавать такие жалобы, а сенат, рассматривая их как тяжкое уголовное преступление, указом (22 августа 1767 г.) подтвердил запрещение крестьянам жаловаться на помещиков под угрозой каторжной работы за это правонарушение. Ясно было, что мирным путем, путем петиций крестьяне ничего не могли добиться от государственной власти, находящейся в дворянских руках.

«Все они (т.-е. помещики. С. К.) смотрели на крепостное население, в сущности, как на рабочий скот, который надо беречь потому, что он необходим, и которым можно распоряжаться по своему усмотрению—соединять пары для «умножения земледельцев», сдавать в солдаты негодных почему-либо для хозяйства или просто прогне-

Казнь Емельяна Пугачева в Москве 10 января 1775 года.

вавших помещика, ссылать в Сибирь с получением за это рекрутской квитанции (так как крестьяне, ссылаемые помещиками в Сибирь, зачислялись за требуемых с помещиков рекрутов), продавать оптом и в розницу ради поправления своих дел, даже просто ради денег на покупку разных предметов роскоши и дорогих собак, продавать, не разбирая покупателя, нередко приобретавшего девушку для своего крепостного гарема, проигрывать в карты; словом, самые лучшие помещики были убеждены в справедливости такой власти над крепостными, которая бывших служилых людей, получавших поместья за службу и под условием службы, по первому требованию превращала в рабовладельцев, свободных теперь от обязательной службы государству и потому владевших населенными имениями уже на основании только своего «благородства». Вот в этом-то и заключается весь ужас крепостного права: большая часть крестьянства очутилась в фактическом рабстве у дворянства, считавшего рабовладение своей сословной привилегией, а свою власть над крестьянами такого же «божественного» происхождения, как и всякая власть предержащая над людьми. В ту же категорию следует отнести и тех, которые всех крестьян переводили на так называемую «месячину», т.-е. на свое помещичье содержание, значит, отбирая у них всю землю на себя и заставляя их работать только на барина из-за прожитка,—и тех, которые прямо-таки хищническим образом относились к крестьянскому труду и доводили своих «рабов» до такого состояния, какое, например, изображено в одной крестьянской челобитной: кре-

стьяне, дабы заплатить своему барину непосильный оброк, «продали последнее из домишек своих, экипажишки и скот». Другой подобный же хозяин-хищник запрещал писать своему приказчику о крестьянах, что они нищие и «ходят по миру», говоря, что он «хочет воров разорить и довести пуще прежнего»; «уповаю и надеюсь», пояснял барин, «до 1.000 р. взыскать с них без всякого сумнительства и разорения. Мужик сер, да ум-то у него не чорт с'ел». Третий помещик хвалился, что он «нажил себе не малое имение от сбора чересчур великих податей с мужиков своих».

Нищета и бесправие крестьян не могло пройти бесследно. Там и здесь вспыхивали крестьянские бунты; наконец, крестьянское возмущение вылилось в грандиозном восстании, поднятом беглым донским казаком Емельяном Пугачевым в 1773—74 г.г. Учитывая психологию крестьянских масс, продолжавших верить, как и при Разине, что все зло от дворян и чиновников, а царь не при чем, и что, будь на престоле настоящий царь, не было бы зла, — Пугачев об'явил себя императором Петром III, будто бы спасшимся от убийц, подосланных Екатериной. Народ охотно верил ему и признавал за подлинного царя, тем более, что нововявленный император и «самодержец Всероссийский, Петр Федорович», жаловал всех «верноподданных вольностью без всякого требования в казну подушных и прочих податей и рекрутов по набору... Сверх того, в России дворянство крестьян своих великими работами и податями отягощать не будет, понеже каждый восчувствует прописанную вольность и свободу». Всех крестьян Пугачев жаловал «вечно казаками».

Все Поволжье стало на сторону Пугачева; крестьяне толпами стекались под его знамена; города при приближении самозванца высылали к нему депутацию с хоругвями, иконами и хлебом-солью. Снова запылали помещичьи усадьбы, снова народ мстил, иногда зверски, за свои обиды, грабя, насилуя и убивая. Отзвуки «Пугачевщины» докатились до центральных губерний, где дворянство, дрожа от страха, с минуты на минуту ждало «холопьего» бунта.

Пугачев победоносно дошел по левому берегу Волги до самой Казани, ворвался в город: начались пожары, грабежи и убийства всех, кто попадался в городе навстречу в немецком платье. Перепугавшееся на смерть правительство Екатерины высылало одну за другой армии против «злодеев», назначив своего самого выдающегося генерала, Суворова, на борьбу с самозванцем. Суворову, впрочем, усмирять Пугачева не пришлось; это сделали более мелкие полководцы. Полковник Михельсон трижды разбил пугачевцев под Казанью, после чего Пугачев бежал на правую сторону Волги, где, не встречая сопротивления, пошел на юг, боясь встречи с войсками нагонявшего повстанцев Михельсона. По пути Пугачева повторялись те же сцены, что и на левом берегу Волги: помещиков вешали, грабили усадьбы и сжигали поместья. Южней Царицына царские войска нагнали нестройные толпы восставших и быстро рассеяли. Пугачев бежал за Волгу, пытаясь скрыться к яицким (уральским) казакам, но был схвачен и выдан своими товарищами. Началась обычная расправа над «злодеями». Крестьян били батогами и отправляли на место жи-

тельства, расстригали и били попов, встречавших Пугачева с иконами. Сам Пугачев, вместе со своими сподвижниками, был казнен в Москве на Болоте.

Положение крестьян в XVIII и XIX столетиях.

Крестьянские волнения вспыхивали в России постоянно на протяжении всего XVIII и XIX веков. Тяжким гнетом давили крестьян рабство и нужда. Вечно среди них носились тревожные слухи о воле и грамоте, которые будто бы присвоили себе чиновники, подкупленные помещиками. Начало каждого царствования в XVIII веке встречалось народом с известным упованием на то, что новый царь даст волю крестьянам и облегчит их тяжелое положение. Но вскоре после нового воцарения наступало разочарование. Положение крестьян было поистине невыносимо.

Помещик являлся царем и богом для крестьян в своем поместье—жаловаться на него было некому и некуда.

«Помещичьи права—говорит историк Покровский—юридически были ограничены лишь в одном пункте: права жизни и смерти над своими крестьянами помещик никогда не получал».

Предполагалось подвергать помещика судебному преследованию за убийство крепостного в том случае, если он совершил это убийство, притом не случайно, а с заранее обдуманным намерением. Если же крепостной умирал от последствий жестокого наказания, назначенного барином, но исполнявшегося другими людьми (крепостным кучером, например), проект возлагал ответственность на этих последних. На практике помещики запа-

рывали своих крестьян на-смерть чуть не ежедневно, и никто в это не вмешивался. Даже когда свирепые наказания не вытекали естественно из уголовной юрисдикции помещика, а являлись просто любительским мучительством, на них смотрели сквозь пальцы: дело об известной «Салтычихе» начиналось двадцать один раз без всякого результата. Когда уже дело рассматривалось в юстицколлегии, челобитчики на Салтыкову, ее крепостные, были, по распоряжению сената, наказаны плетьми; так строго сенат соблюдал правило, неоднократно подтверждавшееся в течение XVIII века,—что на барина государю бить челом нельзя. За границу помещичьего государства центральная власть могла проникнуть или по собственному почину или по почину самого помещика: но для подданных этого последнего государство кончалось его барином: итти дальше без позволения барина они не смели.

Пытка в государственной практике начала отживать в то время; ее применяли теперь только при политическом розыске да при следствии по важнейшим уголовным делам. В помещичьем государстве пытка продолжала процветать, и находились особые любители заплечного мастерства. Уже в начале царствования Екатерины один орловский помещик, Шеншин, устроил у себя в деревне форменный застенок, со всеми приспособлениями—дыбой, клещами и т. д. У Шеншина «работало иногда до 30 человек палачей и их помощников».

Прекрасную картину, наглядно рисующую быт крепостных крестьян, дает либеральный историк Мельгунов.

«Между рабом и вещью нет разницы. За борзого щенка платят 3.000 р., в то время как крестьянская девушка продается за $21^1/_2$—33 р. За ребенка платят даже 10 коп. Конечно, не все крепостные идут по такой расценке: все зависит от качества и способностей раба; хороший повар, музыкант ценится 800 и более рублей; за актеров гр. Каменский уступает целую деревню в 250 душ, двадцать музыкантов он продает за 10.000 р.»

В отделе газетных публикаций печатают о продаже рабов и домашних принадлежностей:

«Продается малосольная осетрина, 7 сивых меринов и муж с женою».

«Продается парикмахер да, сверх того, 4 кровати, перина и прочий домашний скарб».

Вот, например, еще несколько публикаций за 1797 г. в Петербурге:

«Продается 16 лет девка весьма доброго поведения и немного поезжанная карета».

«Продаются банкетные скатерти... тут же две девки ученые и мужик, парикмахер, и английской лучшей породы корова».

В жизненном обиходе палки, розги, батоги, плети, езжалый кнут, заковка в железо, надевание ошейника, рогатины, колодок—были обычными «исправительными средствами». Иногда все дворовые подвергались телесному наказанию. Одна помещица высекла зараз 80 крестьян за то, что они, вопреки велению, не набрали земляники.

Эта картина не меняется на протяжении пятидесяти лет «героического» периода жизни русского дворянства. У Аракчеева в Грузине в граф-

ском арсенале всегда стояли кадки с рассолом, в которых мокли розги и палки. За первую вину граф сек своих дворовых на конюшне, за вторую отправлял преступников в Преображенский полк, где их наказывали особыми толстыми палками— аракчеевскими, при третьей вине экзекуция совершалась при помощи специалистов — палачей из Преображенского полка уже в доме, перед кабинетом графа, или в библиотеке. После экзекуции виновные должны были явиться к графу и показать вспухшую и исполосанную крепкими ударами кнута или палок спину. Наказанные, боясь, что граф останется недоволен и повторит наказание, кровью животных покрывали рубцы, чтобы удовлетворить бесчеловечное чувство властелина. В усадьбе графа была своя домашняя тюрьма, известная под названием Эдикул. Она представляла из себя темное, сырое, холодное и узкое помещение, в котором виновные сидели неделями и месяцами.

Салтыкова, жена воспитателя Александра I, держала целых три года своего парикмахера в клетке, чтобы он не проговорился, что она носит парик.

Так было в среде обычных помещиков.

Но находились особые любители отеческого попечения, которые регламентировали «пунктами» разновидности наказаний. Ничего не может быть характернее пунктов из «журнала домашнего управления» 1763—65 г.г., приводимых В. И. Семевским. Автор этих пунктов, согласно всем правилам полицейского государства, озабочивался и спасением душ своих верноподданных. От крепостных требуется тщательное выполнение

Становой, привыкшій получать записки объ отодраніи самаго подателя записки

Становой. — Ну что, отодрали тебя?
— Отодрали, да не знаю за что.
Становой. — Какъ же это такъ?
— Видно, вы не изволили читать записки.
Становой. — И читать нечего. Извѣстное дѣло: просятъ отодрать.
— Никакъ нѣтъ-съ.
Становой (*Читаетъ записку*). — «М. г., Иванъ Трофимовичъ! Позвольте поздравить васъ съ днемъ вашего...» — Ну любезный, извини — это тебѣ впередъ зачтется.

Рисунок из журнала «Искры» 1861 г.

религиозных обрядов: «а ежели кто который год не будет говеть, того—плетьми, а которые не причастятся, тех сечь розгами, давая по 5.000 нещадно». Этому барину захотелось, чтобы его крепостную, впавшую в немилость, именовали не по отчеству, а звали бы «трусихой и лживицей». «Кто Феклу именем и отчеством назовет, того сечь розгами по 5.000 нещадно». Помещик устанавливает и продолжительность болезни после «нещадного» наказания. Тому, кто получил 100 ударов плетьми на дровнях или 17.000 розог, не дозволятся лежать более недели; получившему 50 плетей и 10.000 розог—более полунедели и т. д., соответственно числу полученных розог и плетей. И это была не теория, не праздные измышления на свободе барственного помещика для устрашения слуг—мы знаем, что «пункты» были применяемы и на практике.

Если припомнить все такие факты, то знаменитая Салтыкова, обвинявшаяся в убийстве 75 человек, вовсе уже не будет редким исключением. Фигура Салтычихи резко врезалась в память народную, ибо ее дело было одним из немногих, закончившихся обвинением.

Мы привели лишь несколько наиболее ярких фактов из мрачного нашего прошлого. Но эти факты могли бы быть умножены во много раз.

Само собой понятно, что труд крестьян, работавших из-под палки, был малопроизводителен. С этим помещики боролись различными способами. Одним из них был усиленный надзор над крепостными. Некоторые помещики для контролирования непрерывности работы надевали на шею работников рогатки, чтобы они не могли

— Солдатку Егорову, хлопотавшую о наслѣдствѣ, по ошибкѣ писца присудили къ тѣлесному наказанію-съ.

— И высѣкли?

— Высѣкли-съ. Да баба-то глупая: обижается-съ...

— Гм! Однако это нехорошо. Сдѣлать писцу строжайшее замѣчаніе, чтобъ впредь не ошибался....

Карикатура из журнала «Искры» 1861 г.

ложиться на землю. Чтобы понудить рабочих скорее окончить господские работы, крестьян во время жатвы иногда не допускали к воде и питью, несмотря на зной. Наиболее обычной мерой воздействия на крестьян были розги, палки, кнуты, иногда арапник и др. орудия наказания за «лень», «неисправность» и медленность в работе.

До поры до времени крестьянство терпело и безропотно выносило этот гнет и произвол помещичьей власти.

Но временами долготерпение крестьян истощалось и тогда, то здесь то там, вспыхивали крестьянские волнения.

Так например, при воцарении Павла I одновременно в разных губерниях произошло одиннадцать крестьянских волнений.

Само собой понятно, что эти волнения усмирялись с самой варварской жестокостью. А засим следовали массовые телесные наказания крестьян плетьми, палками и т. п.

Вот как, например, описывает один историк бесправие крестьян в царствование Павла I: крестьяне одной вотчины Ярославской губ., выведенные из терпения невыносимыми податями и тяжелой барщиной, вздумали жаловаться на своих господ. Те, прослышав о намерении своих крепостных, сейчас же послали за исправником, который явился с ротой солдат, арестовал несколько человек, а всех остальных десять дней подряд сек плетьми смертно неизвестно за что, порол и приговаривал: «Не подавай прошение государю».

В царствование Николая I расправы с крестьянами усилились еще больше: малейшее не-

повиновение помещику наказывалось самым жестоким образом.

В Саратовской губ., в имении Волковых, мужики, говорит историк, задумали изгнать начальников. Об этом, однако, во-время узнали: приехал исправник Барановский, арестовал зачинщиков

Приготовление к наказанию розгами.
(Картина Коровина).

и приказал созвать сход. Явилось всего только 109 стариков. Привели арестованных и приступили к порке. Но когда раздели зачинщиков, все 109 стариков бросились на землю и, «положа руки на спину, кричали: бейте всех, а не семь человек, они не виноваты». Исправник, однако, не решился выпороть целый сход. Расправившись с зачинщиками, он их отправил в тюрьму; их предполагали сослать в Сибирь, но владелец крестьян,

помещик Волков, просил в письме губернатора дать мужикам только примерный урок, т.-е. выпороть, так как ссылка была бы убыточна для экономии.—Для помещика существовала только одна причина «щадить» крестьянина, не ссылать и не запарывать его до смерти—это «убыток для экономии». По этой же причине он щадил и свой домашний скот.

И это были не отдельные случаи проявления жестокости помещиков и царского правительства. Напротив, это была система подавления и низведения крестьянина на положение бессловесного скота. Это можно было видеть из того, что в некоторых местах России не хватало прутьев для розог. «В 1849 году Таврическое и Херсонское губернское правление обратилось к Киевскому с просьбой присылать ежегодно для Таврической губ. 6.000 пучков березовых розог, а для Херсонской—2.000, так как в этих губерниях не было березовых лесов и не из чего было делать розги». Иные начальники, для упрощения дела, устраивали даже у себя для сечения особые машины.

Понятно, что такое ужасающее положение крестьян часто вызывало с их стороны протесты и бунты, которые подавлялись с самой варварской жестокостью. Такие крестьянские беспорядки происходили почти ежегодно. За 28 лет, с 1826 по 1854 г., их насчитывалось 674 в разных помещичьих имениях. А перед освобождением крестьян количество крестьянских бунтов увеличилось до 50 ежегодно.

Произвол и насилие царили не только в деревнях и селах, но также и в городах, Дворяне, помещики и царские слуги-чиновники безнака-

занно издевались над обывателями низших классов самым беззастенчивым образом.

Уже перед освобождением крестьян «киевский полицеймейстер Голяткин, подобно Чичерину и

Крестьянин. Слава богу, теперь, значит, становому фига: драть нас не станет, а если что, так...
Крестьянка. Так, значит, и нас тоже?
Крестьянин. Вас?—не знаю, о вас-то ничего не говорится, а говорится о крестьянах, так, сталс, вы должны ждать череду.

Рисунок из журнала «Гудок», 1862 г.

Татищеву, об'езжал город на тройке лошадей в сопровождении четырех казаков, которые хватали всех провинившихся, растягивали тут же на улице

на земле, при чем один казак держал за голову, другой за ноги, третий сек, а четвертый в это время держал лошадей».

«В жандармском управлении у Тимашева в Петербурге, близ Цепного моста, был заведен даже стул, устроенный на подобие кресла знаменитого царского палача Шешковского. Сидящий на стуле, посредством известного механизма, спускался в подвальный этаж, где и подвергался сечению» [1].

Это здание у Цепного моста даже было прославлено в известных сатирических стихах того времени.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ В ПЕТЕРБУРГЕ.

У царя у нашего
Верных слуг довольно.
Вот хоть у Тимашева
Высекут пребольно;
Влепят в наказание
Так ударов со ста,
Будешь помнить здание
У Цепного моста.

МОСКВА ОТВЕЧАЕТ.

У царя у нашего так все политично,
Что и без Тимашева выдерут отлично,
И к чему тут здание у Цепного моста?
Выйдет приказание—отдерут и просто.

Освобождение крестьян от крепостного права мало облегчило тяжелое их положение.

На самом деле, говорит т. Ленин в своей статье по поводу 40-летия крестьянской реформы, «это было освобождение крестьян от земли, потому что от тех наделов, которыми в течение веков владели крестьяне, были сделаны громадные

[1] Н. Евреинов. «История телесных наказаний в России».

отрезки, а сотни тысяч крестьян были совсем обезземелены, посажены на четвертной или нищенский надел. На самом деле, крестьяне были ограблены вдвойне: мало того, что у них отрезали землю, их заставили еще платить «выкуп» за оставленную ими, всегда бывшую в их владении, землю, и притом выкупная цена земли была назначена гораздо выше действительной ее стоимости. Сами помещики, десять лет спустя после освобождения, признавались перед правительственными чиновниками, исследовавшими положение сельского хозяйства, что крестьян заставили платить не только за свою землю, но и за свою свободу. И, взявши выкуп за личное освобождение, крестьян все же не сделали свободными людьми: их оставили на двадцать лет временно-обязанными, их оставили,—и они по сию пору остаются,—низшим сословием, подлежащим розге, платящим особые подати, не смеющим свободно выйти из полукрепостной общины, свободно распорядиться своей землей, свободно поселиться в любой местности государства. Не о великодушии правительства свидетельствует наша крестьянская реформа; напротив, она является величайшим историческим примером того, до какой степени изгаженным выходит всякое дело из рук самодержавного правительства. Под давлением военного поражения, страшных финансовых затруднений и грозных возмущений крестьян, правительство прямо-таки вынуждено было освободить их».

Получив малые наделы («курицу выпустить некуда»), оно попрежнему находилось в кабальной зависимости от помещиков, арендуя за отработки землю у помещика.

После целого ряда волнений, происшедших в среде крестьян, которые естественно ожидали иного результата от этой реформы, царское правительство, путем расстрелов и порки, заставило примириться крестьян с их горькой участью.

«И мужик стал обрабатывать землю своего прежнего барина—гневно пишет В. И.—«арендуя» у него свои же отрезанные земли, подряжаясь зимой за ссуду хлеба голодающей семье на летнюю работу. Отработки и кабала—вот чем оказался на деле тот «свободный труд», призвать на который «божие благословение» приглашал крестьянина манифест, составленный попом-иезуитом».

Бесправие попрежнему тяготело над крестьянином. Разница была только в том, что теперь его не порол помещик на конюшне, а это дело делал земский начальник, урядник или волостной старшина, который порол его за неплатеж податей на волостном или сельском сходе. Такова кратко изложенная мучительно-страшная история страдания и борьбы русского крестьянина за свое освобождение от векового рабства царя и помещиков.

Как боролись «народники» с помещиками и их верным слугою—царским правительством.

Как учит опыт истории, у нас в России, а также и заграницей само крестьянство, хотя и многочисленно, но по своей разрозненности и темноте бессильно, а потому оно само не может освободиться от векового рабства. Только в союзе с каким-либо другим более организованным, со-

— Егоръ-то Сергѣевичъ умеръ.

— Неужели?

— Да, сами посудите: человѣкъ онъ былъ горячій, а теперь не тѣ порядки,—не смѣй никому въ морду съѣздить. Ну, удержалъ гнѣвъ— ударъ его и хлопнулъ.

Карикатура из журнала «Развлечение» 1867 г

значительным и развитым классом крестьянство за границей добивалось иногда на короткое время своего раскрепощения от рабства. Но это раскрепощение продолжалось не долго. Скоро оно подпадало в зависимость от своего союзника и руководителя, и для крестьянства создавалось новое рабство, только в другом виде и в других формах. Этим союзником и руководителем крестьянства в его борьбе чаще всего была буржуазия—класс капиталистов.

После победы, одержанной при содействии крестьян над помещиками-дворянами, капиталисты, как более образованные и богатые, путем обмана и насилия захватывали власть в свои руки, занимали место прогнанных дворян-помещиков и загоняли крестьянские массы в новую капиталистическую кабалу.

Правда, у нас в России пробовали бороться с самодержавным правительством промежуточные классы: мелкобуржуазная интеллигенция, т.-е. мало обеспеченные образованные люди—выходцы из мещан, обедневших дворян, сельского духовенства и т. д.

Это революционное движение, происходившее у нас в России в 70 и 80 годах XIX ст., называлось «народничеством», которое разделялось, по своим программным требованиям, на различные течения.

Народники-социалисты ставили себе целью, в союзе и при помощи крестьян, произвести государственный переворот и перестроить все общество на социалистических началах—отнять у помещиков землю и передать ее в общую собственность крестьянам.

У крестьян, говорили народники-социалисты, еще сохранилась сельская община—«мир», который решает все вопросы крестьянского быта сообща, вместе; крестьяне помогают друг другу в нужде, у них есть круговая порука, а потому

Великий ученый и критик Н. Г. Чернышевский, основоположник народничества у позорного столба.

наш крестьянин по природе своей общественник, «социалист».

Народники шли массами «в народ» и начали вести среди крестьян проповедь необходимости социалистического устройства крестьянской жизни.

Самодержавное правительство стало беспощадно преследовать народников—сажало в тюрьмы, ссылало в далекую Сибирь; правительственные

суды за всякое вольное слово приговаривали их к каторжным работам и т. д.

Но темное забитое крестьянство также не понимало народников. Веками угнетаемое дворянами-помещиками крестьянство очень подозрительно и часто даже враждебно относилось к социалистам-народникам, как к людям, вышедшим из чуждой им среды. Поэтому нередки бывали случаи, когда сами крестьяне помогали «ловить сицилистов», прикручивали им руки к лопаткам и доставляли к сотскому или уряднику.

Таким образом, попытка революционеров-народников поднять крестьян против дворян и правительства закончилась полной неудачей.

Рабочие предтечи коммунистической партии.

Одна из ошибок народников - социалистов состояла в том, что они видели в крестьянине главного и единственного творца будущего социалистического общества, а в крестьянской общине (которую также поддерживало и царское правительство для более удобного закрепощения крестьян) они видели зародыш ячейки будущего социалистического общества. Рабочий класс тогда еще был малочислен и несознателен; поэтому народники его не брали в расчет, но когда они в своей практической революционной работе столкнулись с рабочими, то оказалось, что рабочие лучше и охотнее воспринимают их социалистическую пропаганду, чем крестьяне. Но это обстоятельство однако, не натолкнуло их на мысль посмотреть на рабочего с другой стороны. Для нас,

коммунистов, творцом будущего общества являлся рабочий, а для народников попрежнему—человек будущего и его творец—это крестьянин.

Когда народники шли с пропагандой своих идей в рабочую среду, то, естественно, первые выходцы революционеры из рабочей среды усваивали те же взгляды народников на роль крестьянства.

Однако вскоре наиболее выдающиеся из рабочих, сами того не сознавая, становились на точку зрения самостоятельной роли в революции рабочего класса и начинали строить самостоятельную политическую организацию рабочих. Одними из первых рабочих-революционеров, вышедших из народнических кружков и были знаменитые Петр Алексеев и Степан Халтурин.

Ткач Петр Алексеевич Алексеев.

Вот как описывает тов. Батурин московского рабочего, ткача Петра Алексеева.

Суд над 50-ю народниками был первым, небывалым еще в России судом не только по числу подсудимых, но еще и потому, что царским судьям пришлось в первый раз столкнуться с сознательными, смелыми революционерами из самых низов народа. В числе 50 подсудимых было несколько человек московских рабочих; самым выдающимся из них был ткач Петр Алексеевич Алексеев.

Он уже по наружности резко отличался от прочих подсудимых—разночинцев. Вот как описывают его наружность знавшие его люди. Невысокого роста, коренастый, могучего телосложения, крупная голова с крупными чертами смуглого лица, с шапкой густых черных волнистых волос

и с такими же, несколько курчавыми, усами и бородой; ясные пламенные глаза, открытое и добродушное лицо.

По своему происхождению П. А. Алексеев был выходцем из самой темной и обездоленной деревенской бедноты. Он родился в 1849 г. в деревне Новинской, Сычевского уезда, Смоленской губ. Земля в той местности очень неплодородная, и бедные родители Петра еще маленьким мальчиком привезли его в город и отдали на фабрику.

Из деревни пришел П. А. Алексеев, конечно, неграмотным. В городе, работая с малых лет по 17 часов в сутки, он нашел время научиться грамоте самоучкой. Но одна только грамота в то время еще ничего не давала. «Разве у нас есть свободное время для каких нибудь занятий? — спрашивает он в своей речи на суде. — Разве у нас учат с малолетства чему-нибудь бедняка? Разве у нас есть полезные и доступные книги для работника?»

Нелегко было разбираться в книжках П. А. Алексееву. Но судьба столкнула его с революционерами — народниками, которые много помогли ему уяснить и осмыслить те вопросы, на которые в цензурной печати никаких ответов найти было невозможно. Жадно слушал он речи народников, а по ночам, после долгого трудового дня, читал их книжки, отпечатанные на тайном станке. Народническая пропаганда расширила его прежние познания, укрепила в нем ненависть к правительству и ко всем дармоедам и кровососам трудящихся масс.

Живой и деятельный характер Алексеева не мог удовлетвориться одной книжной мудростью.

Он спешил немедленно приложить свои знания к собственной революционной работе. Он сам становится пропагандистом и, не переставая работать на фабриках, устраивает кружки среди своих товарищей, распространяет среди них книжки. Оставаться долго на одной фабрике ему было невозможно, так как его могли бы выследить и арестовать. Поэтому, наладив кружок в одном месте, он спешил перейти на другое, чтобы там приняться за ту же работу.

Эта кипучая работа московского ткача-революционера, как и всех народных работников революции, продолжалась недолго, всего несколько месяцев.

4 апреля 1875 г. он, вместе с другими восемью товарищами, был арестован в Москве, в доме Корсакова. Целых два года просидел он в тюрьме до суда, и за это время много перечитал книг, так как досуга для чтения было в тюрьме больше, чем на воле. Но вернуться к своей прежней работе ему было не суждено.

Улик против него у суда было мало, и он мог бы отделаться легким наказанием, если бы старался оправдаться и просто промолчал на суде. Но царский суд он презирал, от защитника отказался, заявив, что этот суд—одна комедия, так как приговор заранее приготовлен. Но и сам защищаться не хотел. Он словно ждал случая, чтобы громко, в упор выложить все накопившееся негодование против правительства и капиталистов, чтобы бросить им в лицо вызов от лица всего рабочего класса, едва только пробуждавшегося.

Отчитывал он царское правительство и всех эксплоататоров так основательно и так смело, что

обозленный председатель суда много раз его прерывал и едва дал докончить.

Приводим здесь некоторые отрывки из речи П. Алексеева:

«Я думаю, каждому известно, что у нас в России рабочие все еще не избавлены от преследований за чтение книг; а в особенности, если у него увидят книгу, в которой говорится о его положении—тогда уже держись. Ему прямо говорят: «ты, брат, не похож на рабочего, ты читаешь книги». И страннее всего то, что и иронии незаметно в этих словах, что в России походить на рабочего—то же, что походить на животное. Господа, неужели кто полагает, что мы—работники ко всему настолько глухи, слепы, немы и глупы, что не слышим, как нас ругают дураками, лентяями, пьяницами? Что уже как-будто и на самом деле работники заслуживают слыть в таких пороках? Неужели мы не видим, как вокруг нас все богатеют и веселятся за нашей спиной? Неужели мы не можем сообразить и понять, почему это мы так дешево ценимся и куда девается наш невыносимый труд. Отчего это другие роскошествуют, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство? Неужели мы, работники, не чувствуем, как тяжело повисла на нас так называемая всесословная воинская повинность? Неужели мы не знаем, как медленно и нехотя решался вопрос о введении сельских школ для образования крестьян, и не видим, как сумели это поставить? Неужели нам не грустно и не больно было читать в газетах высказанное мнение о найме рабочего класса? Те люди, которые такого мнения о рабочем народе, что он нечувствителен и ничего не пони-

мает, глубоко ошибаются. Рабочий же народ, хотя и остается в первобытном положении и до настоящего времени не получает никакого образования, смотрит на это, как на временное зло, как на самую правительственную власть, захваченную силой, и только для одного разнообразия ворочащую все с лица на изнанку. Да больше и ждать от нее нечего. Мы, рабочие, желали и ждали от правительства, что оно не будет делать тягостных для нас нововведений, не станет поддерживать рутины и обеспечит материально крестьянина, выведет нас из первобытного положения и пойдет скорыми шагами вперед. Но, увы! Если оглянемся назад, то получаем полное разочарование, и если при этом вспомним незабвенный, предполагаемый день для русского народа, день, в который он, с распростертыми руками, полный чувства радости и надежды обеспечить свою будущую судьбу, благодарил царя и правительство, — 19 февраля. И что-же? И это для нас было только одной мечтой и сном... Эта крестьянская реформа 19 февраля 61 года, реформа «дарованная», хотя и необходимая, но не вызванная самим народом, не обеспечивает самые необходимые потребности крестьянина. Мы попрежнему остались без куска хлеба, с клочками никуда негодной земли и перешли в зависимость к капиталисту. Именно, если свидетель, приказчик фабрики Носовых, говорит, что у него, за исключением праздничного дня, все рабочие под строгим надзором, и не явившийся в назначенный срок на работу не остается безнаказанным, а окружающие ихнюю сотни подобных же фабрик набиты крестьянским народом, живущим при таких

же условиях,—значит, они все крепостные! Если мы, к сожалению, нередко бываем вынуждены просить повышения пониженной самим капиталистом заработной платы, нас обвиняют в стачке и ссылают в Сибирь,—значит, мы крепостные. Если мы со стороны самого капиталиста вынуждены оставить фабрику и требовать расчета, вследствие перемены доброты материала и притеснения от разных штрафов, нас обвиняют в составлении бунта и прикладом солдатского ружья приневоливают продолжать у него работу, а некоторых, как зачинщиков, ссылают в дальние края,—значит, мы крепостные. Если из нас, каждый отдельно, не может подать жалобу на капиталиста и первый же встречный квартальный бьет нас в зубы кулаком и пинками гонит вон,—значит, мы крепостные».

Свою речь Петр Алексеев кончил следующими знаменательными словами:

«И подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах».

По словам свидетелей, впечатление от этой громкой речи было в суде такое, что если бы П. А. Алексеев тотчас по окончании ее попытался уйти из залы суда, никто бы его не остановил: так были огорошены все присутствовавшие, не исключая стражи.

За эту смелую речь П. А. Алексеев поплатился 10-ю годами каторги. По отбытии срока в карийской каторжной тюрьме в 1884 г., он был сослан на поселение в глухой улус Якутской области, в 200 верстах от Якутска. Здесь прожил он еще семь лет, занимаясь земледелием. Он до-

жил таким образом до начала 90-х годов и мог скоро вернуться на родину в то время, когда уже широко разлилось по России рабочее движение, когда появились уже в рабочих центрах кружки пропагандистов, которые несли рабочим не доморощенные народнические теории, а настоящий научный коммунизм.

Но не суждено было П. А. Алексееву вернуться из гиблой Якутской ссылки. В 1891 г. летом, поехал он из своего улуса в город на ярмарку. В пустынной дороге напали на него якуты-разбойники, ограбили его и зверски убили. Только через несколько дней был найден в лесу его полуистлевший труп, брошенный в яму и покрытый листьями.

Прошло 30 лет со дня смерти знаменитого ткача-революционера, но в памяти трудящихся масс П. А. Алексеев никогда не умрет.

Степан Николаевич Халтурин.

(1857—1882 г.г.).

Не менее важное место в истории революционного движения рабочего класса занимает также столяр Степан Халтурин.

Степан Николаевич Халтурин родился в 1857 г. в деревне Большие Журавли, Орловского уезда, Вятской губернии. Его родители были зажиточные государственные крестьяне. Родители отправили его для учения в г. Вятку, где он получил основательные познания и хорошо изучил столярное ремесло.

В Вятке жило тогда несколько политических ссыльных. Ссыльные устраивали кружки из учеников школы, которые и распространяли среди своих товарищей подпольные книжки. В один из таких кружков попал Степан, когда ему было 15—16 лет. 17-ти лет он уехал в Питер и поступил столяром на железную дорогу.

Вскоре Халтурин заводит знакомство с питерской революционной интеллигенцией (Чарушиным, Морозовым, Блиновым и др.). Народники много содействовали развитию Халтурина так же, как Петра Алексеева. А мы уже видели на примере П. А. Алексеева, как зарождавшееся рабочее движение обособлялось от народничества, пробивалось на самостоятельную дорогу. В Питере, где издавна скопились громадные заводы, рабочее движение было уже более зрелым и сильным. Да и сам Халтурин приехал в Питер далеко не таким темным мужичком, как П. А. Алексеев и огромное большинство московских фабричных рабочих. Знания, полученные в вятской земской школе, приближали его по развитию скорее к интеллигенции, чем к серой рабочей массе.

Вот почему Ст. Халтурин так же, как и ткач П. А. Алексеев, отдавший все свои силы рабочему движению, так же, как московский ткач, бывший выучеником народников, мог гораздо более самостоятельно разбираться в учении тогдашних пропагандистов.

В 1874—1875 г.г. Халтурин, которому было в то время 18—19 лет, оказывается уже деятельным пропагандистом и организатором рабочих кружков. В 1876 г. окончательно сложилась народническая партия «Земля и Воля». С этого

времени питерские землевольцы стали вести довольно широкую пропаганду среди рабочих. К концу 70-х годов, когда в Питере поднялось стачечное движение, эта работа народников в рабочей среде еще более усилилась, а рабочие кружки, в которых вели пропаганду народники, стали обособляться в самостоятельную тесную организацию. В это именно время Степан Николаевич Халтурин, сам побывавший в лучших народнических кружках, выступил одним из главных организаторов рабочего движения. Георгий Валентинович Плеханов, который в то время был землевольцем и вел пропаганду среди питерских рабочих, хорошо знал Степана Халтурина. В своих воспоминаниях он оставил нам подробную характеристику тогдашних передовых рабочих и в особенности Степана Николаевича. По словам Плеханова, это был высокий стройный парень, с хорошим цветом лица и выразительными глазами. В своих сношениях с людьми он казался очень мягким, скромным и даже застенчивым человеком, что мало подходило к рабочему. Но близко сойтись с ним было нелегко. Душевных излияний со знакомыми он не любил, и близко узнать его можно было только на деле. Тогда оказывалось, что под скромной внешностью этого молодого рабочего скрывалась очень сильная воля, беззаветная преданность рабочему делу и несокрушимое упорство. Заимствуя при всяком случае свои сведения у интеллигенции, он, однако, понимал уже неустойчивость и непрочность этого слоя, как революционной силы.

Поэтому-то Халтурин нередко подшучивал над своими просветителями из интеллигенции,

а к достоинству своего брата рабочего относился очень ревниво, несмотря на его темноту.

Благодаря своему высокому уровню сознания и своей преданности рабочему делу, Халтурин пользовался в рабочей среде таким уважением и доверием, какого не мог бы получить тогда ни один интеллигент. Деловой и практический склад ума, как у всякого рабочего, и превосходное знание своей родной рабочей среды, главное—несокрушимая вера в силу рабочего движения,—все это давало Халтурину возможность гораздо успешнее вести работу по организации рабочих, чем то делали до сих пор народники.

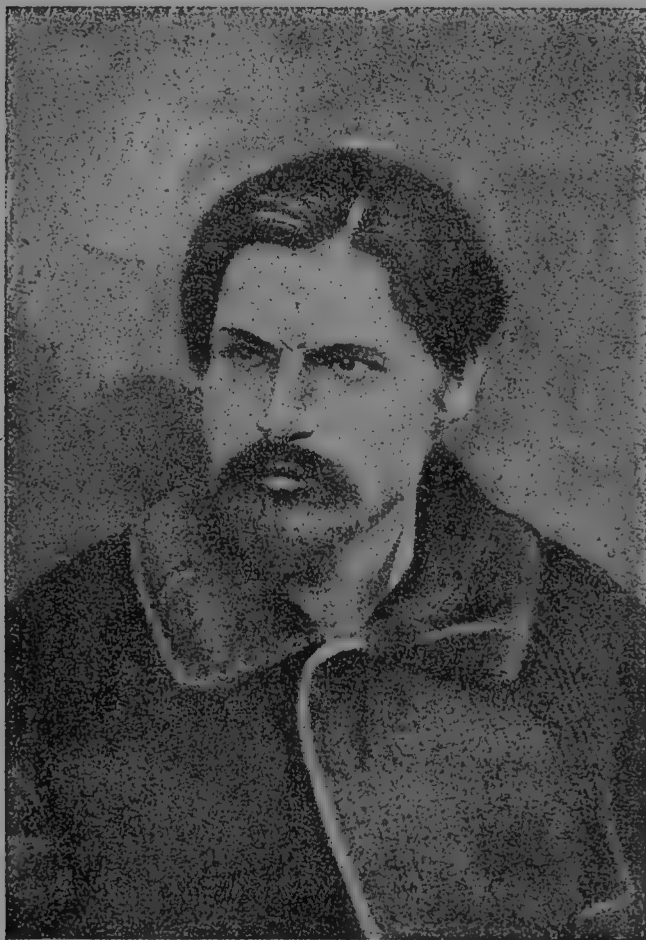
В конце 1878 г. передовые рабочие Петербурга сплотились в тесную группу и положили начало первой большой рабочей организации под названием: «Северного Союза Русских Рабочих». Главным организатором и душою всего дела был Степан Николаевич Халтурин.

«Северно-Русский Рабочий Союз» был предтечей нынешней рабочей коммунистической партии. Но просуществовать ему долго не пришлось. К концу 70-х годов землевольцы, терпя преследования со стороны правительства, стали сперва по одиночке оказывать сопротивление при арестах и даже устраивать покушения на самых подлых жандармов, губернаторов и прочих борзых и гончих собак царизма. А позже и большинство партии «Земля и Воля» стало склоняться к тому, чтобы такую террористическую борьбу вести не по одиночке, а всей партией, организованно устраивать покушения не только на царских слуг, но и на самого царя. Народники, стоявшие за террор, образовали новую партию—

«Народную Волю» и стали устраивать одно покушение за другим. Перепуганное правительство стало еще больше душить всякую свободу и усиливать свою армию шпионов, жандармов, тюремщиков.

Не искушенные еще в подпольной работе рабочие, хотя сами-то в красном терроре участия не принимали, терпели урон от белого правительственного террора еще больше, чем организация террористов. Аресты следовали за арестами. Молодая рабочая организация разрушалась. Некоторые из передовых рабочих, доведенные до отчаяния, стали втягиваться в террористическую борьбу. Казалось, что стоит только покончить с царем, и правительство пойдет на уступки и даст такую свободу, при которой рабочие открыто смогут организоваться. Так думал и Халтурин. Скоро ему представился случай поступить столяром в Зимний Дворец. Такая возможность была очень соблазнительна. Революционер мог проникнуть в самую берлогу лютого зверя в то самое время, как шпионы и жандармы, не смыкая глаз, шныряли далеко вокруг берлоги, хватая всех «подозрительных». Халтурин не долго раздумывал и поступил во дворец. С твердым намерением добиться той цели, которую поставили себе террористы,—покончить с царем,—он вошел в сношения с руководителями народовольцев, которые хорошо его знали и охотно приняли его предложение. Было решено взорвать дворец из подвального помещения, где жил Халтурин. Задача была нелегкая и чрезвычайно опасная. Рабочий-революционер и здесь обнаружил столько отваги, хладнокровия, настойчивости и смекалки, сколько

было далеко не у каждого террориста из интеллигенции. Каждую минуту он мог провалить все дело и поплатиться головой. Народоволец Квятковский доставлял Халтурину динамит, который он постепенно скоплял в своей подвальной комнате. Но скоро Квятковский был арестован, и у него нашли план Зимнего Дворца, на котором царская столовая, которую собирались взорвать, была отмечена крестом. Царские охранники переполошились и поставили весь дворец вверх дном. Только по счастливой случайности Халтурин не был арестован, но приносить динамит во дворец стало еще труднее.

Степан Халтурин.

Приходилось брать его самыми маленькими порциями, засовывая в уши, в волосы и т. п. Все опасности и препятствия обошел Халтурин, и 5 февраля 1880 г. подвал был взорван. Весть об этом новом покушении разнеслась по всей России. Но царь и на этот раз уцелел. Затравленный

террористами и окруженный своими телохранителями, он, приговоренный к смерти «Народной Волей», прожил еще около года, когда, наконец, этот приговор был исполнен (1 марта 1881 г.).

Халтурин окончательно примкнул к народовольцам и скоро вошел в их центральную организацию в «Исполнительный Комитет Народной Воли». По поручению Исполнительного Комитета он работал сперва в Москве, среди фабричных рабочих, но скоро ему, вместе с другим народовольцем, Желваковым, было поручено убить одесского прокурора Стрельникова. Этот прокурор, по поручению нового царя Александра III, занимался в Одессе охотой на революционеров. Охраняя шкуру царя, этот негодяй не знал никакого удержа. Он хватал направо и налево всех «подозрительных», а при ведении следствий не стеснялся самым подлым вымогательством, чтобы выслужиться: запугивал, особенно молодежь, читал подложные показания, подсылал провокаторов.

18 апреля 1882 г. Халтурин и Желваков убили Стрельникова в Одессе на городском бульваре среди белого дня. Но за это смелое покушение они оба должны были поплатиться жизнью. Собравшейся толпой они были окружены и связаны. В переполохе, никто из сбежавшихся еще не знал, кто именно был убит, а когда стало известно, что убийство было политическое и что убили негодяя Стрельникова, некоторые из принимавших участие в задержании террористов раскаивались.

Из Питера пришел приказ: судить арестованных военным судом и повесить в 24 часа. Разумеется, что суд был только пустой комедией.

Одесские власти торопились исполнить приказ и не успели даже установить личности Халтурина, так как проживал он по подложному паспорту. С большим трудом удалось отыскать среди уголовных арестантов в тюрьме одного пьяницу, взявшегося исполнить приговор суда.

22 марта 1882 г. Степан Николаевич Халтурин, всего 25-ти лет от роду, уже больной, чахоточный, погиб на царской виселице.

Появление рабочего класса и его связь с крестьянством.

В то время, когда самодержавное правительство громило последние остатки народнического движения в лице партии «Народной Воли», в это время в России уже народился новый смертельный враг царского правительства, будущий освободитель всех трудящихся—рабочий класс. В это время Россия уже твердо ступила на путь капиталистического развития. Властелин-капитал проник в самые глухие уголки России: беспощадно разрушал крестьянское хозяйство, колебал старые дедовские устои деревни и гнал путем голода «молодых крестьянских парней на фабрики, верфи, заводы», как поется в известной песне, на заработки. Вначале ходившая в отхожие промыслы на заработки часть крестьянского населения возвращалась назад в деревню. Но затем, постепенно, часть его из года в год оставалась в промышленных городах и превращалась в коренных промышленных рабочих, живших только на свою заработную плату и не имевших никакой собственности.

С другой стороны, не оставалось единым целым и сельское крестьянство. В его среде стали выделяться отдельные домовитые зажиточные мужички, которые не стеснялись пользоваться нуждой своих соседей, средних крестьян, наживались за их счет и постепенно превращались в богатых деревенских мироедов-кулаков. На другом конце деревни происходило разорение середняка-крестьянина, который постепенно превращался сначала в бобыля-бедняка, а затем в работника или батрака богатого мужика или помещика.

Кроме того, возвращаясь с заработков или на побывку в деревню из промышленных городов, энергичная городская молодежь заносила в темную глухую деревню «вольный дух» промышленных городов: она вносила в отсталую деревню вместе с городской культурой дух протеста, неповиновения и борьбы против деревенского начальства — помещиков, земских начальников, урядников и т. п.

Когда вернувшийся из города в деревню рабочий начинал организовывать крестьян против дворян и помещиков и проповедывать среди них коммунистические идеи, то крестьянин относился к нему уже с большим доверием, чем к народнику-интеллигенту, выходцу из «барской» среды.

Так постепенно росла и крепла эта естественная связь рабочих и крестьян.

Рабочие чутьем угадывали, не умея этого еще ясно выразить словами, что без содействия огромного большинства населения России, крестьян, им не победить капиталистов. А крестьяне, в свою очередь, чувствовали, что самый близкий ему по духу—это рабочий класс, без руководства кото-

рого ему не победить помещиков-дворян и не получить их земли.

Эти особенные пути революционного движения в России еще за несколько десятилетий до Октябрьской Революции угадывали наиболее передовые; в те времена, вожди рабочего класса, который тогда еще только пробуждался от долгой спячки и начинал жить сознательной жизнью.

«Революция в России,—говорил в то время один из выдающихся вождей рабочего класса,—восторжествует как рабочее движение, или она совсем не победит».

Революция победила в России, как движение рабочего класса, при активной поддержке и в союзе с крестьянством, можем мы теперь повторить, несколько дополнив это пророческое предвидение наших вождей.

Этим гениальным творцом союза рабочих и крестьян несомненно являлся тов. Ленин. Он первый в истории русского революционного движения усмотрел и открыл ту великую истину, что наше русское многомиллионное крестьянство может стать могучей силой, будучи руководимо рабочим классом и в тесном союзе с ним.

Будучи одним из лучших знатоков земельного вопроса в России, В. И. Ленин, на основании изученного им огромного статистического материала, пришел к выводу, что вековая классовая борьба между помещиками и крестьянами неизбежно будет все больше и больше обостряться и усиливаться, ибо 28 тысяч дворян-помещиков имеют в своем владении столько же земли, сколько 100 миллионов крестьян, при чем огромное большинство этих крестьян—бедняки: малоземельные,

безлошадные, бобыли и т. д. Эта огромная масса крестьянской бедноты в своей борьбе за землю и волю, столкнется не только со своим вековым врагом—помещиком-дворянином, но также и с капиталистом, в банках которого эта помещичья земля заложена, так как, отобрав землю у помещика во время революции, крестьяне нанесут материальный ущерб не только помещикам, но и капиталистам. Одно крестьянство, как уже показал опыт истории заграницей и у нас, в России, вследствие своей хозяйственной раздробленности и темноты, не сможет одолеть помещиков и капиталистов.

Следовательно, крестьянству в его борьбе нужен верный союзник и руководитель. Этим верным союзником и руководителем огромной массы крестьянства может быть только рабочий класс, который так же заинтересован в свержении гнета и насилия помещиков и капиталистов и у которого уже имеется опыт в борьбе с капиталом. Кроме того, рабочие уже имеют свою крепкую политическую партию рабочего класса, ведущую организованную героическую борьбу с самодержавным правительством и его чиновниками.

Правда, крестьянство было в то время мало развито, несознательно и не организовано.

Однако, это обстоятельство не останавливало тов. Ленина в его упорной борьбе и в достижении поставленных им задач.

«Практика и опыт революционной борьбы—говорил тов. Ленин—научит крестьян понимать свои классовые интересы, и они же научат их различать, кто враги и кто друзья крестьян».

Эти предсказания тов. Ленина полностью подтвердила борьба рабочих и крестьян против капиталистов и помещиков.

Начало пробуждения рабочего класса и первый С‘езд Российской Соц.-Дем. Рабочей Партии.

Волна невиданных дотоле забастовок в 90-х годах прокатилась по всем промышленным центрам России и привлекла внимание всей революционной интеллигенции, искавшей себе попутчика по борьбе с самодержавным правительством. Повсюду в рабочих центрах закипела революционная работа. Сначала среди рабочих образовывались кружки самообразования для подготовки к революционной работе, а затем отдельные, образовавшиеся в различных городах России, социал-демократические организации перешли к широкой массовой агитации среди рабочих. После знаменитых стачек петербургских ткачей в 1896 и 1897 г.г. почувствовалась потребность в единой направляющей организации в среде рабочих, которая бы руководила всем рабочим движением в России и давала ему направление.

И вот, в 1898 г. 1 марта (ст. ст.) в городе Минске был созван первый тайный с‘езд представителей различных социал-демократических организаций, где и было заложено основание единой С.-Д. партии, из которой впоследствии выросла Российская Коммунистическая Партия.

Избранному на этом с‘езде Центральному Комитету партии было поручено выпустить Манифест партии.

В этом Манифесте говорилось следующее:

«Русское правительство с похвальным усердием само насаждало семена классовой борьбы, обездоливая крестьян, покровительствуя помещикам, выкармливая и откармливая на счет трудящегося населения крупных капиталистов. Но буржуазно-капиталистический строй немыслим без пролетариата или рабочего класса. Последний родится вместе с капитализмом, вместе растет, крепнет и, по мере своего роста, все больше и больше наталкивается на борьбу с буржуазией...

«На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы. Это необходимый, но лишь первый шаг, к осуществлению великой исторической миссии пролетариата: создание такого общественного строя, в котором не будет места эксплоатации человека человеком. Русский рабочий сбросит с себя ярмо самодержавия с тем, чтобы с большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма».

Однако верные слуги царского правительства не дремали. По возвращении на места, вскоре после этого, большинство делегатов с'езда было арестованы. Были разгромлены местные Комитеты партии и взята в Екатеринославе тайная типография, где печаталась «Рабочая Газета». Волна арестов прокатилась по всей России.

Но царское правительство не могло разбить и подавить так легко начавшееся пробуждение рабочего класса, как это ему удавалось справляться с народническим движением, охватывавшим не-

большие интеллигентские кружки, зачастую оторванные от народных масс.

Как у сказочного многоголового змея рубили одну голову, а на место ее выростала другая, также обстояло дело и с новым революционным рабочим движением. На месте одного арестованного С.-Д. Комитета или рабочего кружка возни-

Отправка политических ссыльных по этапу.

кал другой, который продолжал дело, начатое его товарищами.

Тюрьмы и отдаленные северные и голодные места ссылки Сибири и окраин России стали переполняться новыми «политическими поднадзорными»—рабочими и крестьянами.

В прежние времена тюремщики видели в стенах тюрьмы только выходцев из барской среды;

теперь ее постоянными обитателями стали рабочие, позднее—рабочие и крестьяне вместе.

Самодержавное правительство не скупилось на всякого рода самые изысканные и утонченные пытки. Целыми годами царские слуги—жандармы и охранники—держали в тюрьмах, в одиночках, лучших борцов за освобождение трудящихся, подвергали мучительным, доводящим до помешательства, допросам, ссылали без всяких средств к жизни за несколько тысяч верст, в далекую Сибирь, где молодые революционеры в непривычных условиях гибли от голода, холода и чахотки.

Вот как, например, описывает положение политических каторжан после революции 1905 г. И. Генкин, в книге «По тюрьмам и этапам»:

«В цетрале [1] нас принял старший Новченко, маленького роста, толстый, с фельдфебельскими усами и комично-важной, точно на плацпараде, походкой; говорил он громким голосом, растягивая слова и оттопыривая нижнюю губу. Новченко этот, видимо, очень гордился своим званием старшего надзирателя, заведующего тюремным цейхгаузом.

— Раздеться догола,—скомандовал он, когда мы очутились в предбаннике.—Все скидывай... Живо.

Мы стали торопливо снимать с себя арестантскую одежду. Какой-то арестант молча сложил ее в кучу и отодвинул в сторону, а сам старший стал записывать их в особую книгу.

— Это что?—спросил он меня, рассматривая фотографическую карточку, на которой сняты были мои знакомые:—родные, что ли?

[1] Централ—каторжная тюрьма.

— Да, родные,—ответил я.

— Не «да», а «так точно». Здесь тебя научат, как отвечать. Сволочь...

Часть моих книг была перевязана ремешком от подкандальника, в сумке же Арсентьева оказался кусочек карандаша.

— Откуда эти вещи?—крикнул старший.— Не полагается. За это—в карцер. Бродяги, так и так вашу мать—вас, видимо, разбаловали. Зато у нас-то вас уж исправят...

Вся эта канитель, с оскорбительными замечаниями, издевательскими вопросами тянулась очень долго. В общем приемка сошла для нас довольно благополучно. Гораздо хуже было бы, если бы нас было много,—тогда нас специально поджидали бы десятки надзирателей—и взбучка была бы неизбежна.

— Сюда иди,—приказал нам Новченко, указывая рукой по направлению к сеням Мы, все еще совершенно голые, вышли в маленький, холодный корридорчик. Фельдман, весь трясясь от холода, стал голыми ногами не на мокрый от снега асфальтовый пол, а на раскинутое здесь грязное белье.

— Политика... Сволочь...—заорал на него, весь побагровев, Новченко:—на полу стоять не хочешь!—и т. д.

А вот описание встречи политических каторжан в другой каторжной тюрьме.

— Ты за что осужден?—спросил он, пристально вглядываясь в меня,—за севастопольское восстание?.. Ага, с этим мерзавцем, как его... лейтенантом Шмидтом!.. На сколько? Всего десять лет ты получил... Жаль, жаль, что тебя тоже не

повесили... Я бы тебя непременно вздернул... Но, к делу. Знаешь ли, за что тебя ко мне прислали?

— Нет, не знаю.

— А вот за то, что ты прохвост... про-хвост...

Я с удивлением посмотрел на начальника. Такой любезности, да еще при первом знакомстве, я никак не ожидал. Поймав мой недоумевающий взгляд, Черлениевский продолжал.

— Послушай-ка, что про тебя из Вологды пишут...

Тут он стал читать вслух бумагу, которую все время держал. Оказывается, что поведения я плохого, к начальству отношусь без всякого почтения, подбивая к этому и остальных; что нрава я непокорного, характера упорного, стараюсь поддерживать сношения с революционными организациями и газетами; что, в виду всего этого, меня нужно держать в изоляции.

— Так вот, — продолжал начальник, — вот что про тебя пишут. Знай же, что тебя не даром ко мне прислали. Я всех исправляю. Про всякого, кто от меня уходит, я даю такой отзыв: тих, почтителен, скромен... Неисправимых же я просто уничтожаю. Понял? — просто уничтожаю!... Ибо я человек не гуманный, миндальничать с вашим братом не люблю (при этих словах начальник как-то зловеще-иронически искривил рот, и один ус нервно запрыгал). - Смотри же... Я посажу тебя в клетку, и если ты только пикнешь, рот не так откроешь, — запорю... Запорю!.. Понял?..

Но эти бесчеловечные истязания и издевательства не только не могли остановить разраставшегося потока революционного движения, но,

как раз напротив — они вызывали сочувствие и симпатии к бесстрашным, смелым борцам у самых широких слоев населения, и в ряды социал-демократической рабочей партии с каждым годом вливались все новые и новые молодые борцы — наи-

Группа административно-ссыльных рабочих в Саратове в 1901—1902 гг., организовавших свою артельно-столярную мастерскую.

более передовые рабочие. Эти беспардонные преследования борцов еще больше закаляли их к борьбе и производили между ними естественный отбор: слабые, малодушные, а также случайные попутчики из буржуазной среды, не выдерживали страданий, лишений и опасностей революционной жизни и выбывали из строя.

Оставалось все сильное и смелое, способное упорно продолжать революционную борьбу.

Кроме того, несмотря на всю свою тяжесть и лишения, одиночная тюрьма и ссылка содействовали революционному развитию и сознанию передовых борцов, вышедших из рабочего класса.

Работая с утра до позднего вечера на фабрике или заводе, рабочий почти не имел досуга для своего развития, ибо работа из-за куска хлеба отнимала все его силы и время. А тюрьма и ссылка оставляли для него много свободного времени, которое он и использовал для своего самообразования.

Так росла и крепла, закаляясь в борьбе, та могучая сила, которая впоследствии низвергла капиталистов и помещиков.

Нарастание революционного движения среди рабочих; раскол с.-д. партии и появление большевиков.

Однако, несмотря на то, что описанное нами выше движение охватило довольно широкие круги рабочих, тем не менее оно носило кустарнический, кружковый характер. И по мере того, как гнет и произвол правительства становились все сильнее, в движение начали втягиваться все большие слои рабочих. Поэтому являлось настоятельно необходимым от мелкой борьбы за частичное улучшение материального положения отдельных групп рабочих переходить к боевым задачам.

Настроение рабочих того времени особенно ярко было выражено в письме одного рабочего, который охарактеризовал его в следующих словах:

«Рабочий народ теперь легко может загореться: уже все тлеет внизу, нужна только искра и будет пожар...

«Раньше каждая стачка была событием, а теперь всякий видит, что одна стачка ничего, теперь свободы нужно добиться, грудью брать ее: теперь нам не кассы нужны, не кружки, даже не книжки, теперь просто учи, как в бой итти, как в бою воевать».

Выходившая в то время заграницей бесцензурная газета «Искра», орган Ц. К. С.-Д. партии, старалась в этом духе раз'яснить стоящие на очереди задачи рабочего класса. Она неустанно звала рабочих к активной политической борьбе с самодержавным правительством.

1 мая 1902 г. по всей России происходили демонстрации с красными знаменами и пением революционных песен, в которых, кроме революционного студенчества, принимали участие, главным образом, рабочие. Правительство натравило на демонстрантов полицейских и шпионов, которые зверски-жестоко их избивали, массами загоняли в тюрьмы, а затем «зачинщиков» предавали суду и ссылали в ссылку на поселение...

О росте революционного движения свидетельствуют следующие цифры: за трехлетие с 1898 по 1900 г.г. было сослано в Сибирь и в отдаленные северные губернии 454 человека. А с 1901 по 1904 г.г.—1.783 человека.

Из общего числа сосланных большинство составляли рабочие социал-демократы.

Летом 1903 г. заграницей собрался II с‘езд Р. С.-Д. рабочей партии, на котором были представители от 36 местных комитетов и групп. На этом с‘езде была выработана и принята программа С.-Д. партии, а также и положено начало расколу в рядах доселе единой партии.

Разногласия на этом с‘езде возникли из за принятия организационного устава партии I пункта. Одна часть с‘езда предлагала сделать партию более широкой, доступной, и не стеснять особенно вступление в нее членов обременительными условиями.

В проекте устава, предложенный Мартовым и защищавшийся «меньшинством» с‘езда, этот первый пункт был выражен так: «Членом Р. С.-Д. партии считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций».

Проект устава, предложенный т. Лениным, который поддерживался «большинством» с‘езда, отличался от проекта «меньшинства» тем, что требовал от члена партии (кроме признания программы и материальной поддержки) «личного участия в одной из партийных организаций». Сам по себе этот спор из-за нескольких слов устава партии в то время не имел большого значения. Но в этом споре были выявлены позиции «большинства» и «меньшинства».

Здесь спор перешел в вопрос о том, какова должна быть сама партия, ее характер, ее отношение к окружающей неорганизованной массе.

И при решении этих вопросов, уже на этом с‘езде более или менее ясно наметились два направления в русской соц.-демократии—революционное и соглашательское.

Мартов, защищая взгляды «меньшинства», доказывал, что «вовсе не нужно, чтобы всякий член партии непременно входил в партийную организацию, так как контроль над его деятельностью возможен, поскольку комитет, поручая ему какую-либо функцию, имеет возможность следить за ней».

«Чем шире будет распространено название партии,—говорил он далее,—тем лучше».

Теперь этот спор нам покажется смешным, когда мы уже на опыте убедились, насколько опасно принимать в партию всякого желающего обывателя.

Если бы мы последовали совету «меньшинства», т.-е. меньшевиков, тогда бы нам не только пришлось почти ежегодно чистить нашу партию от примазавшихся, но нас просто бы захлестнула обывательщина, и мы бы утонули в этом вязком обывательском болоте.

Поэтому «большинство» в лице т. Ленина вполне резонно им отвечало:

«Чем крепче будет наша партийная организация, включающая в себе действительных социал-демократов, чем меньше шаткости и неустойчивости будет внутри партии, тем шире, разностороннее, богаче и плодотворнее будет влияние партии на окружающие ее, руководимые ею, элементы рабочих масс».

Кроме этого вопроса «большевики» настаивали на большей централизации партии, а потому и на больших полномочиях Ц. К., а также настаивали

на более строгой дисциплине для членов партии, ибо могущественному централизованному аппарату самодержавного правительства, для успешной борьбы с ним, необходимо противопоставить наш партийный централизованный дисциплинированный аппарат.

Таковы, в общих чертах, были те разногласия, которые разделили С.-Д. партию пополам. Хотя эти разногласия обеими фракциями признавались в то время незначительными, но с этого момента между ними возгорелась самая отчаянная борьба как в центре, так и на местах.

С этого времени среди меньшевиков начинается все больший и больший уклон вправо к либеральной буржуазии.

В рядах большевиков, напротив, начинает проводиться более последовательная революционно-марксистская линия, которая сплачивает и закаляет в борьбе ее членов.

Особенно резко выразились различия между большевиками и меньшевиками, когда перед кануном революции 1905 г. стало нарастать революционное движение широких рабочих масс, а также начало пробуждаться и крестьянство, и когда приходилось от словесной борьбы переходить к революционной действительности.

Большевики сразу же стали строить свои предположения о возможном ходе революции, где пролетариат будет опираться на союз с крестьянством.

Меньшевики не придавали никакого значения крестьянству, считая его сплошной реакционной массой, и свои предположения насчет возможного хода революции строили на союзе с либеральной

буржуазией; правда, открыто они это боялись высказывать, но это неизбежно вытекало из всей их линии действий.

По мнению меньшевиков, пролетариат не должен играть руководящей роли в революции, а эту руководящую роль будет играть либеральная буржуазия—капиталисты и либеральные помещики, а потому меньшевики считают необходимым их поддерживать и даже вступать с ними в соглашения.

Большевики, указывая и критикуя неустойчивость либеральной буржуазии, видят наиболее надежного союзника пролетариата в крестьянстве, ибо крестьянство в данный момент не столько заинтересовано в охране частной собственности, сколько в отнятии у помещиков земли.

Отсюда вытекает практический лозунг большевиков, выраженный в резолюции III С'езда: «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

Большевики считали также прямой задачей во время революции взять на себя инициативу, организацию и руководство вооруженным восстанием рабочих масс, тогда как меньшевики ограничивались агитацией в пользу самовооружения масс.

Эта тактика уже и в то время наглядно обнаруживала предательский характер меньшевистской натуры, которым во время революции 1917 г. суждено было играть роль простых прислужников буржуазии, каковыми, в лице партии меньшевиков, они являются и поныне.

Отношение большевиков к партии эс.-эр.

Развернувшаяся во всю ширь в наше время, предательская натура, партии социалистов-революционеров (с.-р.) была вскрыта нами, коммунистами-большевиками, почти с самого зарождения этой предательской партии. Несмотря на их кажущуюся «левизну» и стремление нарядиться в «социалистический» костюм, мы всегда видели в лице партии эс.-эров самую подлинную буржуазную партию, которую мы называли «либералами с бомбой».

Это свое отношение к партии эс.-эров мы ясно выразили в одной из резолюций II-го С'езда в 1903 г.

В этой резолюции мы говорили:

«Эс.-эры теоретически и практически противодействуют усилиям нашей партии сплотить рабочих в самостоятельную политическую партию, стараясь, наоборот, удержать их в состоянии политически-бесформенной массы, способной служить лишь орудием либеральной буржуазии.—С'езд находит, что эс.-эры являются не более, как буржуазно-демократической фракцией, т.-е. левым крылом буржуазии».

И далее: «что свои буржуазные стремления эс.-эры преследуют под флагом социализма». Поэтому «С'езд считает деятельность партии эс.-эров вредной не только для политического развития пролетариата, но и для общедемократической борьбы с самодержавием». Партия эс.-эров стремилась об'единить в свою партию самые несоединимые элементы — интеллигенцию, крестьян и рабочих, интересы которых никак нельзя было примирить.

Мы неоднократно подвергали самой жестокой критике наглое шарлатанство вождей этой «почтенной» партии.

Мы указывали, что крестьянство нельзя рассматривать как однородный класс с одинаковыми хозяйственными интересами. Деревня тоже расслаивается—на богатых-кулаков, середняков и бедняков, говорим мы. В деревне также существует классовая борьба между богатыми и бедными, поэтому нельзя об'единить всех крестьян в одну партию, да еще социалистическую.

Невозможно также загонять в эту партию рабочих и интеллигенцию, ибо интеллигенция тоже представляет из себя не однородную группу. Само собой понятно, эту затею с самого начала нельзя иначе было назвать, как самым беззастенчивым надувательством. Таким же образом и по своим способам борьбы с самодержавием, путем отдельных убийств выдающихся царских чиновников (террор), партия не могла сделаться защитницей трудящихся.

Сначала бессознательно, а потом сознательно партия эс.-эров собирала вокруг себя массы, как это было в 1917 г., для того, чтобы предать их в руки капиталистов и помещиков.

Она боролась на словах с буржуазией, а на деле соглашалась с ней. На словах она в своей программе обещала отнять у помещиков землю и передать ее крестьянам, а на самом деле помогала помещикам охранять ее от крестьян, разгоняя и арестовывая в 1917 г. крестьянские комитеты.

На словах эс.-эры вместе с меньшевиками были против войны, а на деле гнали солдат сражаться

против немцев, за интересы капиталистов и помещиков.

А когда победоносная рука пролетариата, вместе с крестьянами, в октябре 1917 г. свергла правительство капиталистов и помещиков, эс.-эры помогали капиталистам душить костлявой рукой голода восставший русский народ.

Они сначала помогли чехо-словакам и белогвардейцам отрезать от России самые хлебородные губернии—Украину, Кавказ, Сибирь, Урал,—дабы заставить путем голода сдаться рабочих и крестьян во власть капиталистов и помещиков.

Но когда это не удалось им, они начали разрушать нашу промышленность—взрывать железные дороги, мосты, поджигать фабрики, заводы, нефтяные промысла и т. д.

Но когда геройски стоящая на страже интересов трудящихся Коммунистическая партия на каждый их удар отвечала двумя ударами, эс.-эры поняли, что все их неудачи происходят от того, что у нас в России восстанием трудящихся руководит такая сплоченная, могучая организация, как Коммунистическая партия. А потому они решили свои удары направить против нее—разрушить, разгромить, обессилить нашу партию и таким образом оставить рабочие и крестьянские массы без руководства—лишить революцию ее руководящего революционного штаба.

И тогда помещики и капиталисты легко могут взять голыми руками рабочие и крестьянские массы, лишенные руководящего центра. Снова можно будет успокоить массы избиениями и расстрелами, а потом эти массы можно опять отдать

в руки их прежних рабовладельцев—капиталистов и помещиков.

Этот дьявольски-жестокий план был несомненно верен.

Но эс-эры ошиблись в своих расчетах. Они не учли того обстоятельства, что Коммунистическая партия состоит из смелых, закаленных в боях с царским правительством, передовых рабочих и их опытных неустрашимых вождей.

Кроме того, Коммунистическую партию поддерживали широкие беспартийные рабочие и крестьянские массы, которые ненавидели буржуазию и помещиков и не хотели снова итти в кабалу.

Эс-эры на деньги заграничных капиталистов, французских и английских, приступили к своей предательской «работе».

Они организовали целый ряд покушений на наиболее выдающихся вождей Коммунистической партии: т.т. Ленина, Зиновьева, Троцкого, Володарского и других.

Вот как описывает эту «работу» бывший эс-эр Семенов:

«Считаю нужным отметить, что у Ц. К. партии эс-эров в это время мысль о допустимости и целесообразности террористических актов (т.-е. убийстве вождей коммунистов) была уже ясна.

«Создание группы (по подготовке покушений на коммунистов) Ц.К. эс-эров признал нужным и поручил ее организацию Рабиновичу (члену Учредительного Собрания).

«Рабинович стал подбирать работников группы. В частности—говорит Семенов—он предложил мне войти в группу, и я из этой беседы с ним убе-

дился, что основная цель этой группы—террористическая работа.

«Коноплева вскоре предложила Ц. К. эс-эров произвести покушение на Ленина.

«Я приступил,—говорит в другом месте Семенов,—к организации центрального боевого отряда. В него вошли: Федоров, Сергеев, Усов, Зеленков, Коноплева и Иванов.

«Была поставлена слежка за Зиновьевым и Володарским для выяснения, где они живут, где бывают и для определения наиболее удачного места для акта. Слежку вели я и Федоров.

«Мы решили—говорит далее тот же Семенов—что по техническим условиям легче убить Володарского, и поставили покушение на него в первую очередь. Решили остановить автомобиль Володарского по дороге из Петрограда на Обуховский завод; выбрали для этого место у часовни, на повороте дороги, достаточно глухое. Для того, чтобы остановить автомобиль, мы думали разбросать по дороге битого стекла или гвоздей и тем испортить шины, или бросить впереди автомобиля ручную бомбу военного образца. Слежку за Зиновьевым продолжали, не намечая пока конкретного плана. Одновременно мы вели слежку за Урицким, считая нужным убить и его.

«Слежку за Урицким, по нашему поручению, вела Коноплева, которая сняла для этого квартиру напротив его квартиры. Дальше мы намечали убийство Ленина и Троцкого. Для подготовки к этому, когда основная подготовительная работа к покушению на Володарского была более или менее налажена, были отправлены в Москву Гвоздь, Зеленков, Усов и т. д.».

Как известно, следствием этой бандитской работы партии эс-эров было то, что из вождей нашей партии им удалось убить т.т. Володарского и Урицкого и ранить т. Ленина.

Для того, чтобы дезорганизовать нашу Коммунистическую партию, как это потом выяснилось на суде, а также затопить в потоках крови восстания рабочих и крестьян, партия эс-эров вступает в союз с самыми правыми партиями и группами — помещиков-крепостников, попов-черносотенцов, капиталистов и др.

Английское и французское правительства всеми мерами поддерживали эту партию предателей трудящихся и снабжали ее деньгами. Словом, именовавшая себя «социалистической» партией, партия эс-эров превратилась в самую злостную контр-революционную партию, не стеснявшуюся никакими средствами, чтобы снова загнать крестьян и рабочих в помещичью и буржуазную кабалу. И Коммунистической партии стоило невероятных усилий, чтобы победить и уничтожить с корнем эту одну из вреднейших и опаснейших партий буржуазной контр-революции.

Перелом в сознании рабочих масс.

(Смысл и значение событий 9-го января 1905 года).

«Бог на небе, а царь на земле»—это два идола русского крестьянина, которые на протяжении всей истории прочно утвердились в сознании русского крестьянства.

В самые отдаленные эпохи нашей истории и вплоть до недавнего времени эти два мрачных

существа оставались непоколебимыми, несмотря на всевозможные потрясения и катастрофы, которые потрясали нашу необ‘ятную отсталую страну. Ни один вождь, ни один даже самый смелый руководитель крестьянских восстаний и бунтов, на протяжении всей нашей истории, не осмелился открыто выступить против этих двух «священных особ». Стенька Разин беспощадно истреблял бояр, чиновников и дворян, но не возвышал своего голоса против государя московского. Емельян Пугачев расправлялся с дворянами, но выдавал себя за государя Петра III. Даже смелые революционеры, бунтари-народники, иногда прикрывались «царскими грамотами», не смея открыто выступить против «царя-батюшки» перед темными крестьянскими массами, стонавшими под игом помещичьей и царской кабалы.

Легенда о «царе-благодетеле», пекущемся о крестьянской нужде, или о «царе-батюшке» получила в сознании крестьянства еще большее подкрепление после освобождения крестьян в 1861 году. Эта легенда долгое время в руках царского правительства служила могучим оружием в его борьбе против революционеров-интеллигентов.

— «Кто убил царя-освободителя?»—еще будучи ребенком, спрашивал пишущий эти строки своего отца, средне-зажиточного крестьянина Московской губернии.

— «Студенты»,—был ответ.

— «А кто такие студенты?»

— «Сыновья дворян и помещиков».

— «За что же они его убили?»—продолжал я спрашивать дальше.

— «А за то, что царь-батюшка отпустил на волю крестьян».

Эти и им подобные легенды крепко сидели в темных крестьянских головах.

Подобного же рода легендами крестьяне часто об'ясняли и свое малоземелье после освобождения их от крепостной зависимости.

— «Царь-то батюшка, мол, повелел всю землю отобрать у помещика и отдать ее крестьянам,—говорили они,—а царские чиновники эти царские грамоты от крестьян скрыли».

Часто на этой почве среди крестьян происходили волнения и беспорядки, которые обычно заканчивались массовой поркой крестьян, а их «зачинщиков» царские чиновники отправляли на каторгу или на тот свет. Но эти весьма ощутительные для крестьянской спины методы «усмирения» царского правительства отнюдь не колебали веры в «добродетельного» «царя-батюшку». Мужик в таких случаях говорил: «до бога-то высоко, а до царя-батюшки далеко».

— «Вот если бы царь-батюшка узнал обо всей нужде крестьянской и обо всех его муках,—он уж наверное облегчил бы его тяжелое бремя»...

И крестьяне, когда им становилось невмоготу, целыми селениями и волостями слали «ходоков» к царю-батюшке.

История русского крестьянства полна этими злополучными «ходачествами».

Ходаки часто шли пешком за многие сотни верст к царю-батюшке. Обычно история этих ходачеств заканчивалась тем, что ходокам вспарывали то место, где спина оканчивается, и сажали их по тюрьмам.

Однако, несмотря и на эти наглядные уроки, спасительная вера в бога и «царя-батюшку» продолжала жить в сознании русского крестьянина.

Да в этом и нет ничего удивительного. Застойная низкая техника крестьянского хозяйства целиком и полностью ставила его в зависимость от таинственных и непонятных для него сил окружающей природы, которые олицетворялись неразвитым крестьянским сознанием в виде всемогущего господа-бога, сидящего на небесах, подобно царю на земле, и ниспосылавшему, по своему произволу, различные бедствия или «изобилие плодов земных».

Эта же бытовая хозяйственная обстановка питала и укрепляла веру крестьянина в царя земного, который устанавливал для него «справедливые законы», оберегал его имущество от «супостатов» и т. п. Но справедливые законы царя нарушались его исполнителями-чиновниками, с которыми крестьянину непосредственно приходилось иметь дело.

Эта застойная «сплошная психология», по выражению Глеба Успенского, держалась в течение многих столетий вплоть до тех пор, пока «властелин капитал» не расшатал крестьянские патриахальные «устои», а царь-голод не погнал в города на заработки крестьянскую молодежь.

Слепая крестьянская вера в бога и царя еще долгое время держалась в отсталых слоях рабочего класса даже и в крупных промышленных центрах, занесенная туда из сел и деревень.

Это особенно ярко выявилось накануне событий 9 января 1905 г. Эти пережитки прошлого

создали весьма благоприятную почву для агитации авантюриста—попа Гапона.

Вот как описывает эти настроения рабочих один из очевидцев: «Это было в тот вечер, когда после бесплодных хождений и хлопот по разным власть имущим лицам, Гапон произнес свою знаменитую речь в Нарвском отделе «союза»: «Товарищи! Мы ходили к Смирнову [1],—говорил Гапон,—ничего не добились. Ходили в правление, ничего не добились. К градоначальнику—тоже ничего. К министрам—тоже ничего. Так пойдем, товарищи, к самому царю»!—так говорил Гапон рабочим.

— «Пойдем»,—отвечала многотысячная толпа рабочих, увлеченная простотой логики своего «заступника»-«батюшки».

— «И, если надо будет, головы сложим, но своего добьемся»,—продолжал Гапон.

— «Сложим. Добьемся».

Не случайностью было также и то явление, что захудалый, политически-невежественный поп овладел движением рабочих, а представители революционных партий почти не имели непосредственно к нему доступа. Захудалое, забитое, некультурное сельское духовенство, почти на протяжении всей истории, не возвышалось над уровнем широкой крестьянской массы ни духовно, ни материально и тянуло, вместе с крестьянством, вплоть до нарождения капитализма ту же крепостнически-кабальную лямку.

Отсюда логически вытекало то безграничное доверие полукрестьянских отсталых рабочих масс

---

[1] Директор Путиловского завода.

к человеку в поповской поношенной рясе и недоверие к революционной интеллигенции, как связанной в своем прошлом с барами-помещиками. Эти психологические пережитки довольно ловко использовало царское правительство в лице его верного слуги—охранного отделения. Но это была последняя вспышка. Когда рабочие, предводительствуемые попом Гапоном, пошли ко дворцу с хоругвями и царскими портретами искать правды у «царя-батюшки» и вместо царской правды их встретили пулями и многие из них нашли в этот памятный день себе могилу,—то остатки пережитков крестьянской психологии, хранившие веру в «царя-батюшку», окончательно были разрушены у широких рабочих масс.

С этого памятного кровавого дня наступает окончательный перелом в сознании рабочих, и они начинают с доверием относиться к представителям революционных партий.

— «Так, значит, студенты [1] были правы».

Эти слова невольно вырвались у одного пожилого рабочего, когда он услышал первые ружейные выстрелы, направленные в мирно шедших рабочих. Так рушились последние остатки веры в царя.

Но еще задолго до событий 9 января на фабриках и заводах Петербурга были и другие рабочие, которые ничего общего не имели с этой темной верой в «царя-батюшку».

В одной докладной записке царскому правительству писалось следующее:

---

[1] Название «студент» в те времена было то же, что и революционер.

«В последние 3—4 года из добродушного русского парня, — пишет Святополк-Мирский, шеф жандармов, автор докладной записки, — выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней. Такой молодежи, — успокаивает далее этот жандарм, — к счастью, имеется в заводе еще немного, но эта ничтожная горсть террористически руководит всей остальной инертной массой рабочих. Большинство рабочих агитаторов и главарей разных стачек посещало воскресные школы». Какой ужас!

Уж этого последнего явления в среде рабочей молодежи царское правительство никак не могло переварить, а потому записка предлагает взять под особый контроль все рабочие вечерние школы.

Вот это-то небольшое ядро революционной рабочей молодежи и вынесло впоследствии на своих плечах всю тяжесть работы по воспитанию классового самосознания в среде отсталых рабочих масс, с полукрестьянской психологией.

Это настроение рабочей молодежи того времени можно выразить в словах весьма распространенной рабочей песенки того времени:

Лет пятнадцать уж вот...
Может, больше пройдет,
Молодым пареньком
Я спознался с станком.
Вот дожить довелось
До седых до волос,
А для черного дня
Гроша нет у меня.

Что за вор, за злодей,
За лихой чародей,
Мою деньгу берет,
Кровь рабочую пьет?
Эх, не вор, не злодей,
Не лихой чародей,—
Это поп, да купец,
Да царь-белый отец.

Как видите, слова этой песни дышат самой кипучей ненавистью к царю и попу, и в них нет

Расстрел рабочих 9-го января 1905 года у Дворцового моста.

и тени из тех крестьянских настроений, о которых говорилось выше.

События 9 января навсегда в сознании рабочего класса останутся, как поворотный пункт от консервативных крестьянских настроений к новому революционному пролетарскому сознанию.

Как боролась партия коммунистов (большевиков) в 1905 году, а также в годы реакции и упадка.

Необыкновенно высоко поднявшаяся волна революционного движения в 1905 г. прежде всего вылилась в широкое стачечное движение не только в промышленных центрах, но и в самых отдаленных и отсталых уголках России.

На юге России, в Одессе, произошло восстание матросов на броненосце «Потемкин». А ранее этого, как уже говорилось выше, 9 января произошли знаменитые события—расстрел мирно шедших к Зимнему дворцу, с царскими портретами и хоругвями, рабочих.

Наша партия тогда предупреждала рабочих о бессмысленности всяких просьб, но рабочие не захотели тогда послушать. И вот, 9 января сотни тысяч петербургских рабочих, под предводительством попа Гапона, с иконами, хоругвями и царскими портретами вместо оружия, двинулись к царскому дворцу.

Произошло то, о чем предупреждала наша партия. Царские войска встретили рабочих ружейными залпами. Убитые и раненые,—мужчины, женщины и дети—падали на снег сотнями.

Число погибших в этот день рабочих было свыше 1.000 человек.

В этот день царскими войсками была навсегда расстреляна вера народа в царя-батюшку.

После 9 января начинает быстро расти революционное движение по всей России, — можно сказать, во всех слоях населения.

Под влиянием этого роста буржуазия и помещики, даже те, кто стоял за самодержавие, начинают терять веру в способность старого правительства защищать интересы помещиков и буржуазии. Широкой волной разливается по России забастовочное движение рабочих и крестьянское движение в деревнях.

Движение крестьян выливалось в бурные, так называемые аграрные, беспорядки. Крестьяне жгли помещечьи усадьбы, угоняли скот, захватывали помещичьи земли и т. д.

А положение крестьян было невыносимо тяжелое. Вот что писала по поводу положения крестьян одна прокламация, выпущенная в тайной типографии нашей партией:

— Когда освободили крестьян, «освобожденных рабов заставили выкупать ту землю, которую крестьяне сотни лет поливали своим потом и кровью. Мало того, полтора миллиона дворовых были выгнаны на улицу, в чем мать родила, около полумиллиона получили нищенский надел в четверть десятины. Крепостные мелкопоместные не получили ничего. Сотни тысяч стариков были сосланы в Сибирь за то, что могли получить надел, а помещикам это было невыгодно. И в результате этого дневного разбоя, знаете, что получилось? А то, что по счету ученых людей, на одного по-

мещика-дворянина десять лет тому назад приходилось 640 десятин земли, на одного купца-капиталиста — 755, на одного мужика — страшно сказать — меньше одной десятины!»

Ко всему этому прибавлялись всевозможные издевательства над крестьянами помещиков и их слуг—земских начальников, урядников, становых и др. деревенских властей. Когда же крестьяне пробовали «бунтовать», их подвергали самым бесчеловечным наказаниям. Так, например, после крестьянских беспорядков в Харьковской и Полтавской губерниях, бывших в 1902 г., харьковский и полтавский губернаторы самовольно, вопреки закону, перепороли поголовно население нескольких деревень и за это удостоились награды от царя.

Вполне понятно, что чаша народного терпения переполнилась, и поднялись на царя, помещиков и капиталистов рабочие в городах, а крестьяне в деревнях.

Революционное движение в 1905 г. достигло, наконец, таких размеров, что царское правительство испугалось и поспешило издать знаменитый манифест 17 октября «о свободах», обещавший дать Гос. Думу с законодательными правами.

Однако, этот манифест не только не успокоил населения, а, напротив, помог ему лучше сорганизоваться и бороться дальше за свои права.

В Петербурге и Москве впервые возникли Советы Рабочих Депутатов. Особенно Петербургский Совет Рабочих Депутатов повел решительную борьбу с самодержавным правительством и капиталистами.

Самодержавное правительство, а вместе с ним и капиталисты, на смерть перепугались и решили, с одной стороны—повести решительную борьбу с революцией, а с другой — сделать некоторые уступки крестьянам, дабы вырвать почву из-под ног революционных партий.

Вот как описывает настроение правительственных кругов того времени верный царский холоп С. Витте, бывший тогда председателем совета министров, в своих мемуарах (записках):

«Как-то раз,—говорит Витте после 17 октября,—я приехал в Царское Село с докладом к его величеству. Меня в приемной встречает Трепов (знаменитый генерал, издавший приказ «патронов не жалеть и холостых залпов не давать» по восставшим рабочим), заводит разговор о сплошных восстаниях крестьян и говорит мне, что для того, чтобы положить конец этому бедствию, единственное средство—это немедленное и широкое отчуждение помещичьих земель в пользу крестьянства. Я выразил сомнение, чтобы ныне, накануне созыва Государственной Думы, можно было принять такую поспешную и мало обдуманную меру. Он мне ответил, что все помещики будут очень рады такой мере. «Я сам,—говорит генерал, — помещик, и буду весьма рад отдать даром половину моей земли, будучи убежден, что при этом условии я сохраню за собою вторую половину». Государь мне (Витте), во время доклада об этом, по существу не говорил, но только передал записку с проектом, сказав: «обсудите эти предположения в совете министров. Это записка и проект проф. Мигулина». Это была записка о необходимости принудительного отчуждения

земли в пользу крестьянства, как мера, которую необходимо принять немедленно непосредственною волею и приказом самодержавного государя. Я, конечно, сейчас же понял, кто доставил эту записку государю...

«После доклада, меня Трепов опять встретил и убеждал, как помещик, провести меру, предлагаемую в переданной мне записке, как можно скорее, покуда крестьянство еще не отняло всю землю от помещиков».

Подобного же рода взгляды высказывал знаменитый усмиритель декабрьского восстания в Москве, генерал Дубасов, побывавший с усмирительными целями в Курской и Черниговской губ.

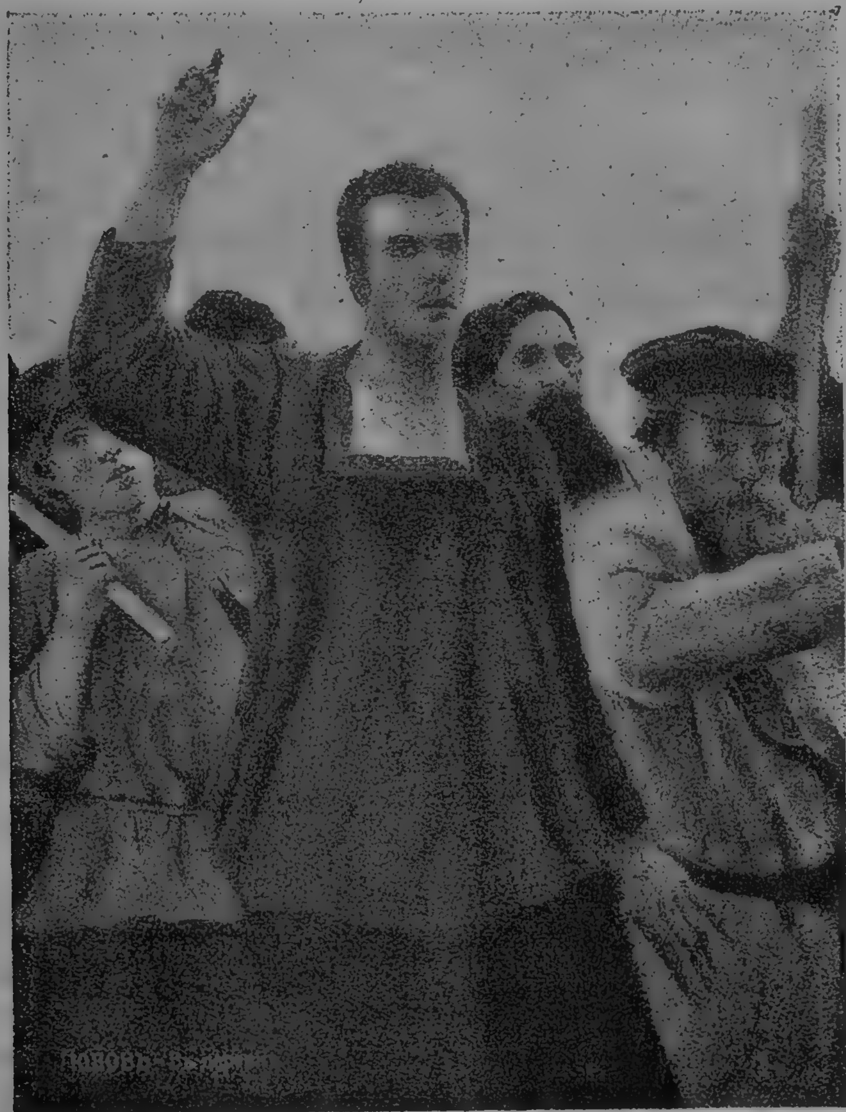
— «Лучше было бы—говорил Дубасов,—теперь же отдать крестьянам те помещичьи земли, которые они забрали, а потом будет поздно, ибо тогда крестьяне захватят все земли».

Яркую картину революционного движения в среде крестьян Саратовской губернии рисует П. Маслов:

«Волнения обнаружились почти одновременно в нескольких уездах—говорит он—Саратовском, Аткарском и Балашовском. В селениях, вовлеченных в движение, приняли участие все крестьяне без исключения. Они требовали удаления помещиков с семьями из усадеб; разбора и дележа хлеба и продуктов, а иногда и домашней движимости; выведения скота, расчета батраков и домашней прислуги и часто прибегали к поджогу экономических построек.

«Помещики выезжали по принуждению крестьян, и насилий над ними никаких не допуска-

лось. Одновременно с разгромом экономий крестьяне в принципе решают о передаче с весны помещичьей земли миру в уравнительное пользо-

В деревне (в 1905 году).

вание, о чем составляются во многих местах общественные приговоры. Урядники, стражники скрываются, а по местам арестованы крестьянамо.

«Во главе крестьян, нападающих на помещичьи усадьбы, стоит обыкновенно вооруженная дружина; дележом хлеба и продуктов и денег заведуют комитеты или братства из местных крестьян. Захваченные в экономических конторах, в казенных винных лавках или у сборщиков питейных доходов суммы обращаются в общественную собственность. Поджог владельческих построек мотивируется крестьянами двумя соображениями: если постройки будут сожжены, то помещики не будут в состоянии скоро вернуться в деревню, и, следовательно, легче упрочится новый порядок землевладения; если постройки останутся целы, то они послужат удобным помещением для казаков, к которым у крестьян всеобщая ненависть.

«В Саратовском уезде аграрные беспорядки начались в селе Карабулаке. Здесь сожжена и расхищена экономия Катковой.

«В самом селе разграблена винная лавка. Когда в экономии начался погром, управляющий, ждавший с часу на час казаков, предложил пришельцам угоститься в винном погребе, что те с удовольствием исполнили. После этого настроение стало веселым настолько, что мордва заставила управляющего играть на рояле, а сами стали плясать... Но скоро приехали казаки, и человек 50 было арестовано и заперто в амбар. Результат погрома: сожжено 3 дома, разграблен хлеб и имущество.

«В конце октября в Саратовскую губернию был назначен, с чрезвычайными полномочиями, ген.-ад. Сахаров для прекращения аграрных беспорядков.

Началось в союзе с черной сотней «усмирение» крестьян со всеми ужасами, которые совершались при такого рода «усмирениях».

Такова была общая картина революционного движения в 1905 г.

До 17-го октября наша партия была в подпольи и вела энергичную революционную работу. По всем крупным промышленным центрам в то время уже самостоятельные комитеты с.-д. большевиков выпускали листки, издавали газеты, проводили митинги и вели на ряду с этим кружковую пропаганду. Она также оказывала огромное влияние на стихийно возникавшее забастовочное движение и призывала широкие массы к вооруженному восстанию.

По поводу сделанных уступок правительством наша партия говорила, что это только обман самодержавного правительства, испугавшегося рабочего движения. Нашей очередной задачей, говорили мы тогда, является вооружение рабочих и захват политической власти. До тех пор, пока вооруженная сила находится в руках самодержавия, до тех пор мы не можем прекращать борьбы с оружием в руках. С изданием манифеста о «свободах» наша партия на несколько месяцев вылезла из подполья и почти во всех крупных городах начала издавать свои легальные газеты и различную революционную литературу.

Но на ряду с этим она стала организовывать боевые дружины, которые повели энергичную борьбу с черносотенными погромными бандами «союза русского народа».

«Дни свободы» ужэ застали не одну, а две социал-демократических партии: и большевики и

меньшевики имели свои особые центры и во всех крупных городах—свои особые организации. Центральным органом большевиков за границей была газета «Пролетарий», а меньшевиков—«Искра». А когда в дни свободы явилась возможность печачать в Петербурге, то у большевиков тотчас же возникла газета «Новая Жизнь», а у меньшевиков—«Начало». Каждая из этих газет вела свою линию.

Меньшевики по отношению к либеральной буржуазии вели свою линию соглашения, а большевики утверждали, что либеральное движение по существу своему контр-революционно и, в противоположность меньшевикам, выдвигали лозунг: «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», которая должна быть достигнута путем вооруженного восстания.

Скоро, вследствие измены буржуазии и трусости бесхарактерной дряблой интеллигенции, самодержавное правительство оправилось от об'явшего его испуга и обрушилось целым рядом кровавых расправ и преследований революционных организаций.

«Дни свободы» продолжались недолго. Правительство использовало эти дни, чтобы составить списки наиболее выдающихся деятелей революционного движения. В первых числах декабря 1905 г. по этим спискам начались аресты по всей России.

В Петербурге полиция явилась на заседание Совета Рабочих Депутатов и всех арестовала. Газеты «Начало» и «Новая Жизнь» были закрыты.

В ответ на преследования со стороны правительства, в Москве, в декабре 1905 г. разразилось

вооруженное восстание, руководимое нашей большевистской организацией. Москва покрылась целою сетью баррикад. В восстании принимали участие самые широкие слои населения. Особенно упорным оно было на Пресне, где было расстреляно несколько царских шпионов и в числе их начальник сыскного отделения Войлошников. Во главе этого восстания стоял большевик Литвин (Седой), здравствующий и поныне. Борьба продолжалась несколько дней и закончилась победой самодержавного правительства. Москва была залита кровью тысяч рабочих, погибших в бою и еще больше — расстрелянных по приказу генерал-губернатора Дубасова и командира Семеновского полка, генерала Мина.

Вот как описывает один из современников, Н. Норов, геройскую борьбу московских рабочих этого периода:

«Спешно готовились к обороне и нападению. Организовывались в районах в дружины. Рабочие запасались оружием и учились стрелять. Не осталось ни одного высшего учебного заведения, где бы не было боевого отряда. Организации направили все силы на покупку оружия. Производили сборы. Выставленная у входа на митинг шапка заполнялась в несколько минут. Снимали с себя золотые вещи, отдавали обручальные кольца... Однако буржуазия, хотя еще не прокляла революцию, но уже отошла в сторону. С рабочими оставалась только интеллигентная молодежь. Приближался декабрь. Рабочие рвались на борьбу.

«В начале декабря собрался Всероссийский железнодорожный с'езд. Восстал Ростовский полк, запертый в Спасских казармах. Отовсюду прихо-

дили вести о волнениях в войсках. Разгон и арест Петербургского Совета обострили борьбу.

«5 декабря Московский Комитет Р.С-Д.Р.П. (большевики) в училище Фидлера собрал общегородскую конференцию. Предстояло разрешить какой-то небольшой организационный вопрос. Вдруг кем-то из рабочих ставится в порядке дня немедленное вооруженное выступление. Комитет заявляет, что он не обсуждал этого вопроса и что поэтому не может высказать своего мнения. Решают спросить районы и отдельные заводы. Разбиваются на группы и перестраиваются по районам. Опрос длится несколько часов. В зале крайнее напряжение, слышно затаенное дыхание соседа.

— «Рабочие рвутся в бой, оружия нет».

— «Рабочие выступят сами, если Комитет их не позовет».

— «На заводе имеется десяток револьверов»...

— «Рабочие куют кинжалы и копья,—удержать их нельзя».

«Выходит военный организатор. Он бледен и заметно волнуется. Он говорит, что московские солдаты, что даже казаки, даже офицеры, стрелять в народ не станут. Войска волнуются. Войска готовы перейти на сторону народа, но у них отобраны винтовки.

«Две речи: «за» и «против». Голосование. Подымается лес рук «за». Вопрос решен. Напутственная речь т. Землячки:

— «Здесь прозвучал похоронный гимн. Своим голосованием вы обрекли себя на заклание... Но вопрос решен. Те, которые против, те умрут вместе с вами, товарищи. Вперед, на бой. В районы».

«Несколько горячих и подымающих слов другого оратора. Помню отрывок фразы:

— «Пусть черный бог буржуазии помогает ей в начинающейся борьбе. Мы победим одни только силою своих рук и своей сплоченности».

«Проходит три дня, и вся Москва замерла в параличе. Буржуазия поспешно запасалась провизией, свечами, водой. Обыватели наполняли ванны, кувшины и банки. Пролетариат скрестил руки, и все замерло в летаргии. К резолюции конференции присоединился Совет Рабочих Депутатов и Всероссийский жезнодорожный с‘езд. Замерла вся Россия. Остановилась жизнь.

«Так замирает ветер перед грозой.

«В районах чувствуется какое-то колебание. Забастовка проходит легко. Звучат горячие речи на митингах. Масса слушает, но не выходит на улицу.

«Митинг в Аквариуме... Эхом отдаются голоса ораторов от обледеневших от дыхания стен. Внезапно врывается отряд казаков и полиции. Обыскивают при выходе, бьют, ищут оружия. Боевой дружине удается уйти.

«Расстрел дома Фидлера... Артиллерия... Начали они. Они первые напали, не выдержав ожидания. Электрическая волна проносится по районам и решает исход событий.

«Забастовка переходит в восстание. Дружинники снимают, как воробьев, городовых по углам улиц.

«Перепуганная полиция исчезла, переоделась в штатское и попряталась по участкам или квартирам.

«Бомба в окно охранного отделения. Дубасов заперся в Кремле. Железнодорожная дружина захватывает вокзалы. Население под вечер выходит на очищенные от полиции улицы. Снимают с петель ворота, таскают со двора дрова. Строят баррикады. На требование лопаты и лома, дворник отвечает ругательствами, но через несколько минут, вместе с другими, тащит всякий мусор, пилит телеграфные столбы и указывает проходные дворы.

«К утру Москва ощетинилась и сделалась непроезжей. Тысячи баррикад выросли на пути ожидаемых казаков. Но они почти безлюдны, защитников мало: нет оружия. Три-четыре тысячи револьверов на весь город.

«Дубасов перепуган и бессилен. С огромным напряжением полиции и сотни казаков удается отстоят Тверскую и центр. От Страстного трещат пулеметы. Положение неопределенное. Обе стороны не в силах предпринять чего-нибудь решительного. Обе выжидают.

«Приходит громовая весть, что в Петербурге и на Николаевской дороге неблагополучно. Петербург забастовал, но не дружно. Истощенный в ноябрьской забастовке и борьбе за восьмичасовой рабочий день, он не может с необходимой энергией поддержать Москву. Николаевская линия продолжает работать. Приезжают пьяные, озверелые семеновцы. Пушки и пулеметы... Расстрел зданий, приютивших дружинников.. Разгром и пожар героической Пресни... Отступление дружинников... Трупы. Миновская карательная экспедиция... Трупы... Волна падает... Бегство рабочих

из Москвы... Еще год революционной борьбы. После переменного успеха и ряда усилий правительству удается удержать за собой армию. Революция подавлена» [1].

Петербург, истощенный предшествующей борьбой и натиском об‘единенных капиталистов на рабочих, которые об‘явили локаут (массовое увольнение с заводов), не мог оказать поддержки Москве.

После расстрела Москвы Дубасовым, а в других городах—расстрелов и виселиц карательных экспедиций, нашей партии пришлось снова скрываться в подпольи.

Но кое-что от завоеванных свобод все-таки осталось — это некоторые «легальные возможности».

Кое-как могли влачить свое существование, подвергаясь постоянным арестам, профсоюзы, «рабочие клубы», кое-какие газеты и т. п.

Кроме того, возможно было принимать участие в выборах в Государственную Думу и даже иметь в ней свою с.-д. фракцию.

Получалось двойственное положение: с одной стороны, за принадлежность к с.-д. партии царский суд приговаривал к ссылке на поселение и даже к каторге, а с другой стороны, социал-демократы выступали открыто во время выборов в Государственную Думу и в самой Думе.

Однако, реакция усиливалась. Более видные вожди нашей партии или были посажены в тюрьмы.

---

[1] Сборник «Декабрьское восстание в Москве».

или бежали за границу, другие прятались в подполье. В мелкобуржуазных интеллигентских кругах начался упадок революционного настроения—появились предатели и изменники, которые стали покидать революционные партии и переходить в лагерь буржуазии, оплевывая и проклиная революцию в печати и на открытых докладах различных либерально-буржуазных обществ. Другие просто отходили от нелегальной подпольной работы в партиях и превращались в простых обывателей. Появилась религиозность в тех кругах общества, которые прежде считались неверующими или равнодушными к религии.

Меньшевики стали звать рабочих отдаться целиком легальной работе в рамках законности и ликвидировать подпольную революционную партию; отсюда они получили название «ликвидаторов».

Правда, часть меньшевиков также стояла за сохранение подпольной партии, но их было немного.

Главная же их масса сделалась, через посредство печати и других организаций, открытыми проводниками буржуазного влияния на рабочих.

И лишь только одна партия, партия большевиков, благодаря своей стойкости сохранила свою подпольную организацию и вышла всего менее пострадавшей от разгрома царским правительством революционных организаций.

Пожалуй, это обстоятельство отчасти даже принесло ей пользу, так как она очистилась от тех попутчиков-интеллигентов, которые обычно

всякую революцию тянут вправо. В ней остались лишь преданные и закаленные в борьбе.

От использования легальных (законных) возможностей наша партия также не отказывалась, но она, во-первых, сохраняла полностью подпольную партию и, во-вторых, всех работников, работавших в легальных организациях, ставила под контроль партии и руководила ими. Наши работники, члены партии—большевики, работали в профсоюзах, в рабочих клубах, в воскресных школах, участвовали в буржуазных с'ездах и в Государственной Думе.

Но свою работу мы проводили по заданиям и указаниям подпольной партии и были ответственны перед ней. Свою работу в «легальных» организациях мы вели для того, чтобы влиять на более широкие круги рабочих и проводить свою коммунистическую линию.

Ленский расстрел 4 апреля 1912 года.

В истории рабочего движения знаменитый «ленский расстрел» сыграл крупную историческую роль. В далекой лесной таежной пустыне раскинулся на сотни верст ленский золотопромышленный район. Капитал здесь царил безраздельно. Экономика и политика об'единены были здесь в самой откровенной, самой наглой форме: все органы политической власти—полиция, суд, военное начальство, школа, находились в руках или на откупу у золотопромышленных фирм. И между этими фирмами царило самодержавно над всем районом «Лензото» [1]. Самодержавие его находи-

[1] Ленское золотопромышленное товарищество.

лось в прямой связи с питерским самодержавием и с международным империализмом, так как большая часть его акций принадлежала англичанам.

На приисках полностью царили нравы доброго старого времени, нравы крепостного права—вплоть до права высших чинов располагать по своему произволу женами и дочерьми рабочих. А перед забастовкой ленское товарищество систематически ухудшало положение рабочих: уменьшало заработок, увеличивало штрафы, поднимало цены на с'естные продукты (кроме хозяйских лавок, их негде купить) и т. д. Поэтому 20 февраля началась чисто-экономическая забастовка.

Войска в районе приисков было недостаточно, и первое время администрация приисков держалась уклончиво, соглашаясь даже на удовлетворение мелких требований рабочих, но с прибытием войск картина резко изменилась. Были арестованы выборные от рабочих, избранные по предложению исправника и окружного инженера.

4 апреля рабочие отправились на Надеждинский прииск для переговоров с прокурором по поводу этих арестов и для вручения ему «сознательных» записок, в которых все рабочие в одинаковой форме заявляли следующее: «я, рабочий Лензото, сознательно прекратил работу. Насильственных мер и подстрекательств во время забастовки со стороны рабочих не было. И мы продолжаем забастовку, в виду нарушения с нами договора Лензотом и неудовлетворения наших требований».

Все шли с простою душою. Открытые сердца были у всех. Пошли — как в церковь. Пошли просить об освобождении выборных. Все шли спо-

койно: многие держали в руках «сознательные» записки. Рабочих встретили выстрелами — 270 было убито, 250 ранено.

Убитых и умерших от ран хоронила полиция. Рабочих близко к похоронам не подпускали.

Расстрелы рабочих во имя барышей капитала и раньше в России не были редкостью. Во время усмирения московского восстания было проявлено усмирителями еще больше свирепости, чем 4 апреля на ленских приисках. Для истории же рабочего движения новостью явился не расстрел, а то, как встретили этот расстрел рабочие массы по всей России.

Встретили они его не молчанием, а горячим, деятельным протестом.

В заседании Государственной Думы 11 апреля обсуждался вопрос о ленских событиях. И тут министр внутренних дел Макаров дал, под аплодисменты правых депутатов, свой знаменитый ответ:

— Так было и так будет впредь.

Телеграф разнес ответ Макарова по всей России. Никакая революционная агитация не произвела бы такого сильного впечатления, какое произвели эти слова министра. Не только со всех заводов Петербурга, но и со всех концов России полетели по телеграфу известия о резолюциях и забастовках протеста.

Наконец, после под‘ема рабочего движения в 1912 г., после расстрелов рабочих на ленских приисках наша партия начала издавать открыто свою рабочую газету «Правду» в Петрограде, которая сразу же привлекла к себе внимание широких кругов рабочих. «Правда» была подлинно

рабочей газетой: она издавалась на трудовые гроши, собранные среди рабочих, и рабочие же были главными и аккуратными сотрудниками этой газеты.

Заграницей же в это время печатался центральный орган нашей партии «Пролетарий», который руководил борьбой рабочего класса и давал направление работникам партии, работавшим в легальных организациях.

Когда разразилась общеевропейская империалистическая война 1914 года, наша партия была единственной, которая бесстрашно среди всеобщего патриотического опьянения возвысила свой голос против бесчеловечной, братоубийственной бойни.

Представители нашей партии в Государственной Думе открыто обратились с призывом к рабочим и крестьянам не допускать этой братоубийственной войны. И мы об'явили «войну войне». За этот призыв «неприкосновенных» членов думы-большевиков царское правительство, вместе с буржуазией, бросили в тюрьму, а затем послали в ссылку на поселение в самые отдаленные места Сибири.

Октябрьская революция и Коммунистическая партия; электрификация и нэп.

Февральская революция застает нашу партию в подполье, а наиболее важных ее руководителей и вождей—в тюрьме, на каторге, в ссылке или заграницей. Образовавшиеся Советы в главных центрах революции в Петрограде и Москве попа-

дают в руки соглашательских партий — меньшевиков и эс-эров,—которые громкими фразами одурачивают и обманывают массы и на короткое время ведут их за собой. Вожди этих соглашательских партий начали призывать массы продолжать вести войну за интересы капиталистов и помещиков, которая измучила и истощила нашу страну достаточно.

Наша партия выступает сразу же решительной противницей продолжения этой бессмысленной бойни. — Мало-по-малу из ссылок и тюрем начинает возвращаться закаленная в революционных боях старая большевистская гвардия. Ряды партии крепнут.

В начале апреля 1917 г. приезжают из-за границы наши старые вожди т.т. Ленин и Зиновьев.

Работа партии закипела: линия ее становится твердой и непреклонной. Наша газета «Правда» в Петрограде, а также другие органы в наиболее крупных промышленных центрах ведут агитацию за передачу всей власти Советам—«Вся власть Советам», «Долой войну». Эти призывы нашей партии вызывают бешеную злобу со стороны буржуазии и соглашательских партий. Вождей нашей партии буржуазные и социал-предательские газеты начинают обливать потоками грязи и клеветы, называя их «подкупленными германскими шпионами» и «изменниками».

Мы смело выдерживаем этот натиск бешеной злобы и клеветы наших злейших врагов, разоблачая в речах и газетах их гнусную предательскую роль перед широкими рабочими массами.

«Всякая революция означает крутой перелом в жизни громадных масс народа—писал тов. Ленин

в статье «Уроки Революции» после событий 3—5 июля 1917 года.—Если не назрел такой перелом, то настоящей революции произойти не может. И, как всякий перелом в жизни любого человека многому его учит, заставляет его многое пережить и перечувствовать, так и революция дает всему народу в короткое время самые содержательные и ценные уроки.

За время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся в каждую неделю большему, чем в год обычной, сонной жизни. Ибо на крутом переломе жизни целого народа становится особенно ясно видно, какие классы народа преследуют те или иные цели, какою силою они обладают, какими средствами они действуют.

Всякий сознательный рабочий, солдат, крестьянин должен внимательно вдуматься в уроки революции, особенно теперь, в конце июля, когда ясно стало видно, что первая полоса нашей революции кончилась неудачей.

В самом деле, посмотрим, чего добивались массы рабочих и крестьян, совершая революцию. Чего ждали они от революции? Известно, что они ждали свободы, мира, хлеба, земли.

Что же мы видим теперь?

Вместо свободы—начинают восстановлять прежний произвол. Вводят смертную казнь для солдат на фронте, привлекают крестьян к суду за самочинный захват помещичьей земли. Громят типографии рабочих газет. Закрывают без суда рабочие газеты. Арестовывают большевиков, часто не пред'являя даже никаких обвинений или пред'являя обвинения явно клеветнические.

Возразят, пожалуй, что преследования большевиков не составляли нарушения свободы, ибо преследовались только лица, к которым пред‘явлено определенное обвинение. Но это возражение— заведомая и очевидная неправда, ибо как же можно громить типографию и закрывать газеты за преступления отдельных лиц, будь даже эти обвинения доказаны и признаны судом? Другое дело, если бы правительство признало законом преступными всю партию большевиков, самое направление, взгляды их.

Главное теперь, что газеты помещиков и капиталистов бешено бранили большевиков за их борьбу против войны, против помещиков и против капиталистов и требовали открытого ареста и преследования большевиков тогда, когда ни одно обвинение ни против одного большевика не было еще придумано. Народ хочет мира. А революционное правительство свободной России снова повело захватную войну на основе тех самых тайных договоров, которые бывший царь Николай II заключил с английскими и французскими капиталистами в интересах ограбления чужих народов русскими капиталистами. Эти тайные договоры так и остались неопубликованными. Правительство свободной России отделалось отговорками, так и не предложив справедливого мира всем народам.

Хлеба нет. Голод опять надвигается. Все видят, что капиталисты и богатые бессовестно обманывают казну на военных поставках (война стоит теперь народу 50 миллионов рублей ежедневно), наживают неслыханные прибыли на высоких ценах, а для серьезного учета производства

продуктов и распределения их рабочим ровно ничего не сделано. Капиталисты наглеют все больше, выбрасывая рабочих на улицу,—и это в такое время, когда народ бедствует от бестоварья. Громадное большинство крестьян заявило собственность на землю несправедливостью и грабежом. А правительство, называющее себя революционным и демократическим, продолжает месяцами водить крестьян за нос и надувать их обещаниями и оттяжками.

Правительство дошло до такой наглости в защите помещиков, что начинает привлекать крестьян к суду за «самочинные захваты».

Симпатии и настроения рабочих масс постепенно начинают клониться к нам. И, в конце концов, мы окончательно завоевываем массы, и наша партия почти сливается с ними. Ряды нашей партии, почти загнанной в подполье травлей буржуазии—с одной стороны, и социал-предателей—с другой, начинают пополняться новыми членами. В сентябре 1917 г., когда собралась партийная конференция, наша партия уже насчитывала в своих рядах около 200.000 членов.

В октябре месяце 1917 года наша партия завоевывает большинство в Советах, превратив их из соглашательских в революционные, а во всей стране завоевывает симпатии большинства трудящегося населения. Бьет последний час власти капиталистов и помещиков, поддерживаемых меньшевиками и эс-эрами, происходит переворот 25 Октября, и наша партия становится у власти.

Вот как описывает этот переворот тов. Троцкий в книге «Октябрьская революция».

«Правительство попрежнему заседало в Зимнем дворце, но оно уже стало тенью самого себя. Политически оно не существовало. Зимний дворец в течение 25 Октября постепенно оцеплялся нашими войсками со всех сторон. В час дня я заявил на заседании Петроградского Совета от имени Военно-Революционного Комитета, что правительства Керенского больше не существует и что, впредь до решения Всероссийского С'езда Советов, власть переходит в руки Военно-Революционного Комитета.

«Ленин уже несколько дней перед тем покинул Финляндию и скрывался на окраинах города в рабочих квартирах. 26 вечером он конспиративно прибыл в Смольный. По газетным сведениям, положение рисовалось ему так, как будто между нами и правительством Керенского дело идет к временному компромиссу. Буржуазная пресса так много кричала о близком восстании, о выступлении вооруженных солдат на улице, о разгромах, о неизбежных реках крови, что теперь она не заметила того восстания, которое происходило на деле, и принимала переговоры штаба с нами за чистую монету. Тем временем без хаоса, без уличных столкновений, без стрельбы и кровопролития одно учреждение захватывалось за другим стройными и дисциплинированными отрядами солдат, матросов и красногвардейцев, по точным телефонным приказам, исходившим из маленькой комнаты в третьем этаже Смольного института.

«Зимний дворец был к этому моменту окружен, но еще не взят. Время от времени из окон его стреляли по осаждавшим, которые сужали свое

кольцо медленно и осторожно. Из Петропавловской крепости было дано по дворцу два-три орудийных выстрела. Отдаленный гул их доносился до стен Смольного. Мартов с беспомощным негодованием говорил с трибуны с'езда о гражданской войне и, в частности, об осаде Зимнего, где в числе министров находились—о, ужас—члены партии меньшевиков. Против него выступили два матроса, которые явились для сообщений с места борьбы. Они напомнили обличителям о наступлении 18 июля, обо всей предательской политике старой власти, о восстановлении смертной казни для солдат, об арестах, разгромах революционных организаций и клялись победить или умереть. Они же принесли весть о первых жертвах с нашей стороны на Дворцовой площади. Все поднялись, точно по невидимому сигналу, и с единодушием, которое создается только высоким нравственным напряжением, пропели похоронный марш. Кто пережил эту минуту, тот не забудет ее.

«Заседание нарушилось. Невозможно было теоретически обсуждать вопрос о способах построения власти под долетавшие до нас отзвуки борьбы и стрельбы у стен Зимнего дворца, где практически решалась судьба этой самой власти. Взятие дворца, однако, затягивалось, и это вызвало колебание среди менее решительных элементов с'езда. Правое крыло через своих ораторов пророчествовало нам близкую гибель.

«Все с напряжением ждали вестей с Дворцовой площади. Через некоторое время явился руководивший операциями Антонов. В зале воцарилась полная тишина.—Зимний дворец взят,

Керенский бежал, остальные министры арестованы и препровождены в Петропавловскую крепость.—Первая глава Октябрьской революции закончилась».

Одним из первых великих революционных деяний, которые совершает наша партия, было, что она отбирает у помещиков земли и передает их крестьянам. То, что обещали только на словах эс-эры, проводит на деле наша партия.

Отныне вековые мечты трудового крестьянства о земле получили свое действительное осуществление.

Отныне этим величайшим в истории деянием Коммунистическая Партия прочно, неразрывно связала свою судьбу и судьбу революции с трудовым крестьянством!

Вторым великим делом нашей партии было — выход из империалистической разорительной войны, которая до основания разрушила наше хозяйство.

И, наконец, третьим деянием — отказ платить долги иностранным державам, которые делало царское и буржуазное правительство и которые всею своею тяжестью ложились на трудовые плечи крестьянства.

Ужасом и непримиримо-бешеной злобой были охвачены враги всех трудящихся, когда они увидели, что наступил конец их праздному развеселому житью. Забыв все мелкие внутренние раздоры между собою, они организуются в одну сплошную контр-революционную массу, призывают себе на помощь войска иностранной бур-

жуазии и обрушиваются всею силою на трудящихся. Коммунистическая Партия в ответ на это организует Красную армию и собирает под ружье трудовое население, не желавшее возвращаться снова в помещичью и капиталистическую кабалу.

Возгорается длительная разорительная гражданская война, которая, под руководством стойкой и закаленной в революционных боях Коммунистической Партии, приводит к победе трудящихся и окончательно закрепляет за ними все завоевания Октябрьской революции.

В этой гигантской борьбе Коммун. Партия потеряла огромное число лучших своих товарищей, павших в боях с белогвардейцами смертью храбрых.

Но, борясь против озлобленных свирепых врагов, Коммунистическая Партия не забывала вести и свою внутреннюю работу по сплочению и организации, а также и воспитанию своих членов. В марте 1918 г. собирается VII с'езд партии. На этом с'езде принимается единогласно решение впредь именоваться «Российской Коммунистической Партией (большевиков)».

Это новое название нашей партией было принято по следующим причинам:

Во-первых, само словесное название было неправильным, ибо под словом «социализм» разумеют различные понятия: одни понимают, что социализм есть передача всего производства государству, хотя бы и буржуазному; другие считают, что социализм есть передача производства городским и другим общественным самоуправлениям, при сохранении буржуазного государства и т. д. Кроме того, партии социал-демократические расхо-

дятся между собою в путях и средствах, которыми будет достигнут социализм: одни считают, что это будут мирные соглашательские пути; другие считают, что эти пути достижения социализма будут революционные и т. д.

Во-вторых, социал-демократы во всех странах, за время войны поддерживая свои буржуазные правительства, помогали им вести войну, натравливали рабочих одного государства на другое, а потому запятнали себя изменою и предательством в глазах широких рабочих масс и крестьянства. Вот почему мы, социал-демократы большевики, решили изменить свое название.

Коммунизм же является вполне точно выражающим наши стремления, так как коммунизм стремится водворить такой порядок на земле, при котором все орудия труда и производства будут находиться у всего общества и когда никакого государства не будет, а, следовательно, вместе с государством исчезнут угнетение и порабощение человека человеком.

Пути и средства, которыми стремятся провести в жизнь коммунистические партии различных стран свои взгляды, это низвержение, путем вооруженного восстания, власти капиталистов и помещиков и установление власти рабочих (а у нас и крестьян), как временной переходной власти, необходимой для подавления сопротивления буржуазии. А когда силы капиталистов во всех странах будут разбиты и сломаны и воспитается новое молодое поколение, которое не будет знать, что такое порабощение и насилие человека над человеком, тогда государство, как орудие насилия и подавления, будет уничтожено.

Кроме того, принять название Коммунистической партии нашу партию побудило также и то обстоятельство, что первые основоположники и родоначальники коммунизма, Маркс и Энгельс, в 1848 г. также называли себя коммунистами, а организованный ими союз рабочих назвали коммунистическим.

Мы не можем и не станем скрывать и того, что партия коммунистов иногда делала ошибки и промахи. Но, говорит русская пословица, «не ошибается только тот, кто ничего не делает». А мы делали новое для нас дело, которое никто никогда в истории не делал. А потому нет ничего удивительного в том, что мы иногда и ошибались. Но этих ошибок никто не замечал и не чувствовал более, чем сама наша партия, и по мере своих сил она стремилась и стремится до сих пор сама их, по возможности, избежать и исправить. А если принять во внимание то обстоятельство, что мы получили от буржуазного общества до корней разрушенное долголетней войной наследство, разоренное крестьянское хозяйство набегами и налетами наших злейших врагов, белогвардейцев, тогда и эти ошибки будут понятны и извинительны.

В настоящее время нам приходится строить наше хозяйственное здание почти на пустом месте, без всякой помощи и содействия со стороны более богатых и развитых заграничных наших соседей: там еще власть пока находится в руках капиталистов и нашим товарищам, заграничным коммунистам, приходится вести упорную борьбу за завоевание власти.

Мы еще не можем в настоящее время сказать трудящимся, что у нас все обстоит благополучно.

Напротив, мы не скрываем и говорим прямо и открыто, что наше положение еще продолжает оставаться тяжелым, но за это последнее время мы достигли значительного улучшения во всех областях нашей жизни.

Несмотря на обрушившийся на нас неурожай, с которым мы все-таки справились, мы медленно, шаг за шагом, идем к улучшению положения трудящихся. Если окинуть взором пройденный нами путь тяжелой борьбы и страданий и сравнить с тем, чего мы достигли в настоящее время, то улучшение нашего материального положения нам покажется весьма значительным.

Во всяком случае, что бы там ни говорили про нас наши враги, а мы идем вперед, вверх по по пути улучшения нашего положения, тогда как заграничные капиталистические страны неудержимо стремительно катятся вниз по пути разрушения промышленности и обнищания широких трудящихся масс. И этому стремительному падению не видно пределов, если ему не положит конец завоевание государственной власти рабочими.

Нас в настоящее время не могут заставить воевать за барыши капиталистов, и мы значительно сокращаем нашу Красную армию и другие непроизводительные расходы, связанные с войной.

Если же нас когда нибудь и вынудят взяться за оружие, то это оружие нами будет направлено против тех, кто вызывает кровопролитные войны ради своих собственных барышей.

Мы надеемся, что эта война будет последняя, ибо она уничтожит тех, кто вызывает эти войны.

В капиталистических странах в настоящее время кипит непрекращающаяся гражданская война.

С одной стороны, различные буржуазные страны воюют друг с другом из-за барышей, а с другой — черносотенная буржуазия ведет ожесточенную войну против рабочих и против растущего коммунистического движения. Увеличиваются армии, растут расходы на вооружение, и это всею тяжестью падает на плечи трудящихся.

Мы, благодаря тому, что прогнали своих капиталистов и помещиков, избавились от напряженного состояния войны и связанных с нею расходов.

У нас есть другая, более благородная и благодарная задача—наладить нашу собственную промышленность и помочь крестьянину восстановить свое разоренное хозяйство.

Как это сделать? Возьмем хотя бы наше сельское хозяйство. Как его восстановить и поднять его производительность?

Сделать это в прежних, довоенных, формах не под силу даже самому богатому государству.

Восстановить крестьянское хозяйство в прежнем виде—это значило-бы дать возможность каждому отдельному крестьянскому двору обзавестись собственными лошадьми, собственными мелкими сельско-хозяйственными земледельческими орудиями, семенами и т. д. А если принять во внимание, что у нас в России свыше 10 миллионов крестьянских дворов, то восстановить все это по одиночке ни у крестьян, ни у государства не хватит никаких сил и средств. Да, кроме того, такое раздробленное восстановление хозяйств невыгодно и для самих крестьян, ибо оно будет отнимать у крестьянина много сил, времени и средств, а выгоды от этого все равно получится

мало и жить только от земли, обработанной допотопным способом, все равно будет невозможно.

Учитывая все это, наша Коммунистическая Партия в 1920 г. на VIII с'езде Советов провела решение, дабы облегчить труд рабочих и крестьян, произвести электрификацию России в течение ближайших 10 лет, т.-е. использовать для восстановления нашего хозяйства ту особую силу, называемую электричеством, которая может приводить во вращение станки, тащить поезда и трамвайные вагоны, пахать землю, обмолачивать хлеб, давать освещение и отопление, передавать по телеграфу и телефону человеческую речь и вообще совершать много полезной работы.

— «У нас нет топлива для наших паровозов,— говорит Борис Кушнер, в книжке «Революция и электрификация»—электротехника взнуздает праздно плещущую силу водотоков и рек, претворит ее в необузданную скорость поездов. Не стало лошадей для вспашки полей. Электрический плуг разрыхлит и взроет тучное лоно наших необ'ятных полей.

«Истощилось сырье для выделки свечей, керосин стал для нас трудно доступен. Электротехника подымет для нас дремлющую силу торфяных болот—и болота станут освещать города и села.

«Нет ничего недоступного для электричества. Оно завертит станки наших фабрик и заводов. Выплавит металлы из наших руд и переработает их в нужные для нас предметы. Перекинет вести на какие-угодно расстояния. Домчит куда нужно и нас и наши грузы. Отопит, осветит дома. Изготовит пищу и т. д.».

Электричество также в жизнь крестьянина внесет много удобств и совершенно преобразит нашу темную, отсталую деревню. Помимо материальных выгод для крестьянского хозяйства, электричество сократит рабочее время крестьянина, облегчит ему его тяжелый труд и даст возможность поднять культурный и общественный уровень развития.

Но, само собой понятно, что провести электрификацию своего хозяйства не под силу отдельному крестьянину; поэтому ему навстречу идет наша Рабоче-Крестьянская власть. Но, кроме того, и со стороны крестьянина необходимо проявить больше активности и интереса к своей собственной судьбе. Для этой цели ему необходимо об'единяться в кооперативные крестьянские товарищества и, в свою очередь, содействовать Советскому государству к скорейшему проведению в жизнь плана электрификации.

За эти немногие годы дело электрификации уже значительно двинулось вперед, и мы уже имеем готовыми несколько крупных электрических сооружений.

Достижение этих задач, стоящих перед нашей партией, есть первоочередная задача.

Новая экономическая политика порождает новых хищников-кулаков в деревне и спекулянтов и капиталистов в городах, которые стремятся захватить в свои руки сначала товарообмен с деревней, а затем и овладеть промышленностью и тем самым нарушить и разорвать союз рабочих и крестьян мирными путями, если не удалось им сделать этого путем оружия.

Мы были стойкими в борьбе с оружием в руках и мы победили. Нам нужно также уметь при-

способиться, изловчиться бить своего противника и на фронте мирного строительства: научиться организовать промышленность, строить машины, новые фабрики и заводы, снабжать крестьян сельско-хозяйственными орудиями и машинами, завязывать с ними торговые связи и снабжать их, по доступным ценам, всеми предметами домашнего обихода.

И тогда союз крестьян и рабочих еще более укрепится.

А теперь не лишне будет подвести итоги, а также и сделать для себя поучительные выводы, почему победила наша Коммунистическая партия?

Во-первых, наша партия, закалившись в подполье в борьбе с самодержавием, состоит из более сознательной, преданной, выдержанной и героической части передового пролетариата.

Во-вторых, она умела связаться, сблизиться и, порой, даже слиться с широкой массой трудящихся рабочих и крестьян. Отсюда станет понятным то настойчивое требование нашей партии к своим членам: «сближайтесь с массами, не отрывайтесь от них, держите связь с низами, прислушивайтесь и учитывайте настроение низов» и т. д.

В-третьих, наша партия умела правильно строить свою политическую стратегию и тактику, умела руководить массами и умела поддерживать железную дисциплину среди своих членов.

Велики были жертвы трудящихся в борьбе за свое освобождение, но они во много тысяч раз меньше того, чем если бы трудящиеся попали снова в кабалу капиталистов и помещиков. Мы бодро взираем на будущее, ибо это будущее принадлежит трудящимся!

Тов. Ленин и коммунистическая партия.

Творцом и созидателем нашей коммунистической партии несомненно является, ныне умерший наш гениальный вождь и учитель, В. И. Ленин. Мы не можем отделить историю нашей партии от Ленина.

Еще в 90 годах тов. Ленин повел ожесточенную борьбу с народничеством, доказывая в ряде своих статей и книг, что Россия не только вступила на путь капиталистического развития, но что и у нас уже имеется пробуждающийся к борьбе рабочий класс, который в предстоящей русской революции будет играть роль вождя и передового борца за интересы всех угнетенных и эксплоатируемых. Но, для того, чтобы рабочий класс стал во главе революционного движения, для этого ему необходимо организоваться в свою самостоятельную, сплоченную и дисциплинированную партию. Когда эта первая задача тов. Лениным была разрешена, то перед ним встал ряд других задач, и в первую очередь—сделать эту партию боеспособной, непримиримой и стойкой в предстоящих революционных боях.

За создание такой стойкой, дисциплинированной централизованной рабочей классовой партии тов. Ленин и повел упорную беспощадную борьбу сначала с «экономистами», которые хотели превратить рабочий класс в придаток либеральной буржуазии, а затем с меньшевиками и другими соглашательскими и полуанархистскими течениями и группами, стремившимися, в той или иной форме, проводить влияние буржуазии на рабочий

Владимир Ильич в Кремле в 1920 г.

класс и тем самым совлечь его с революционного пути, пути завоевания власти. Но самой главной и основной заслугой тов. Ленина, в чем особенно ярко проявился его гениальный ум, является то, что он первый по достоинству оценил роль и значение крестьянства и указал ему его настоящее место в революционной борьбе—в союзе и под руководством рабочего класса.

Эти заветы недавно ушедшего от нас дорогого вождя и учителя мы и будем непреклонно претворять в живую революционную действительность.

